

На правах рукописи

Каргина Ирина Георгиевна

**СОВРЕМЕННЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ:
ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22.00.01. – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва 2015

Работа выполнена на кафедре социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Кравченко Сергей Александрович

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
член-корреспондент РАН,
зав. кафедрой теории и истории
социологии РГГУ
Тощенко Жан Терентьевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры теории и
истории социологии СПб ГУ
Островская Елена Александровна

доктор социологических наук, доцент
зав. кафедрой теории и социологии
управления Уральского института
управления РАНХиГС
Ваторопин Александр Сергеевич

Ведущая организация: **Институт социологии РАН**

Защита состоится «18» марта 2016 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д.2009.002.04 по социологическим наукам в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России по адресу: Москва, проспект Вернадского, 76, ауд. 442.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО МИД России и на сайте: www.mgimo.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

**Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук**

Носкова А.В.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Происходящие в современном динамичном обществе социокультурные и политические сдвиги, носящие глобальный характер, ломают привычные представления о религии, ее месте и роли в публичном пространстве, влиянии на мировоззрение индивида и его социальные практики. Феномен религии становится все более разнообразным и сложным. Качественно новые признаки приобретают религиозные практики, виды религиозности, формы религиозной институционализации, коллективные и индивидуальные диспозиции по отношению к религии. Современный процесс транснациональной миграции вызвал переход от культурной и религиозной однородности, социально и институционально выстроенной во многих странах, особенно в Европе, к признанию разнообразия. В этом контексте возникают вопросы о том, как общества и религиозные конфессии отвечают на увеличивающуюся дисперсию религиозных вер. Тема религиозного плюрализма начинает занимать важное место в социологии религии. Она перемещает социологические дебаты от противопоставления позиций сторонников и оппонентов парадигмы секуляризации в направлении, которое, по нашему убеждению, отражает более реалистичную перспективу динамики религиозных изменений на рубеже XX – XXI веков.

Религиозный плюрализм представляет собой все возрастающую часть повседневной жизни людей во многих частях мира, и не только тех, кто идентифицирует себя с какими-либо религиями. Рост глобального религиозного разнообразия более чем когда-либо фрагментирует феномен религии, причем, изменения удельного веса различных религиозных традиций на мировой арене и их специфические переплетения и роли в локальных социальных контекстах влияют на формирование траекторий амбивалентных социальных взаимодействий – как диалога, так и конфликта между представителями разных религиозных идентичностей. Обостряет эту дихотомию проблема усложняющегося неравенства в современном мире, усугубляемая доминирующим влиянием западной культуры, миграционными процессами и реакцией со стороны национальных культур¹, что создает основу для распространения фундаментализма, идей национализма и национально-религиозных социальных движений, нацеленных, прежде всего, на сохранение границ своей культурной, национальной и религиозной идентичностей. Рост мусульманских сообществ в Западной Европе,

¹ Проблеме неравенства в современном мире был посвящен XVIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации, проходивший под девизом «Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии» (13-19 июля, 2014 года, г. Йокогама, Япония). См.: <http://www.isa-sociology.org/congress2014/isa-wcs2014-book-of-abstracts.pdf>

приводящий к эскалации конфликтов и насилию, наряду с увеличением религиозного разнообразия порождает аналитические споры вокруг понятия «религиозный плюрализм», обретающего новое звучание, выходящее за рамки «предписывающей» модели признания и уважения религиозных различий в мультикультурных обществах. В этой связи актуализируется анализ паттернов взаимоотношений секулярных институтов и общества в целом с религиозными институтами, а также религиозных «меньшинств» с «большинством» в контексте межконфессионального диалога.

Деиндивидуализация религии, ее ренессанс в публичном пространстве часто сопряжен с тем, что многие государства, в том числе и Россия, стремятся переосмыслить свое культурно-религиозное наследие, апеллировать к нему с различными целями, в том числе легитимации власти и регулирования «религиозного плюрализма». Политические акторы выстраивают новую структуру отношений между полем религии и полем власти. Не случайно, концепт «пост-секулярного» становится дискурсивным основанием для интерпретаций повышения роли религии в контексте государственно-религиозных отношений. Обозначенные тенденции перемещают фокус исследований на два актуальных вопроса: во-первых, о связи между секуляризмом и религиозным плюрализмом; во-вторых, о степени плюралистичности религиозного пейзажа.

В то же время, глобализационные процессы открыли границы для новых форм диалога и взаимодействия. Религиозные акторы (коллективные и индивидуальные), являясь участниками глобальной коммуникационной сети, максимально используют ресурсы для того, чтобы развивать социальные сети, что способствует формированию мозаичной религиозности на микроуровне. Все эти процессы, усиленные новыми мобильностями² и Интернетом, запустили механизмы формирования транснациональных и локальных религиозных рынков, изучение которых с теоретической и эмпирической точек зрения представляет собой весьма актуальную задачу.

«Современная эпоха стала свидетелем огромных вулканов религиозной страсти»³, религия возрождается почти во всех обществах⁴. Перспектива религиозного плюрализма, таким образом, «выводит» социологические исследования религиозных изменений за рамки парадигмы секуляризации, доминировавшей в социологическом дискурсе, начиная с 1960-х годов. Вместе с тем, взаимосвязь между религиозным разнообразием и

² См.: Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

³ Berger, P. Religious Pluralism for a Pluralist Age / Culture & Society, April 25, 2005. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age>

⁴ См.: Berger, P. The Desecularization of the World: a Global Overview / The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. P. Berger (ed.). Grand Rapids, MI: Eerdmans Publishing Co, 1999.

жизнеспособностью религии стала ныне центральной темой, поддерживаемой дискуссиями между сторонниками парадигмы «секуляризации» и теории «религиозной экономики». Тематика секуляризации не уходит с повестки дня современной социологии религии.

В последние десятилетия исследования религии были обогащены широким диапазоном новых перспектив анализа благодаря привлечению внимания к целому ряду феноменов, дополняющих картину плюральности современного религиозного мира – это религиозное возрождение в постсоциалистических странах, рост харизматической ветви христианства на глобальном Юге, процессы секуляризации и десекуляризации в странах Западной Европы, а также устойчиво высокая роль религии в США. Современный «облик» религиозного плюрализма также формируют процессы роста глобального влияния католицизма, широкого распространения пятидесятничества.

Все вышесказанное обуславливает актуальность проблемы современного религиозного плюрализма, его теоретическое осмысление и эмпирическое измерение. Особую значимость приобретает анализ современного теоретико-методологического дискурса религии.

Степень разработанности проблемы

Первые публикации, нацеленные на изучение современного религиозного плюрализма, появились в конце 1990-х – начале 2000-х годов, что объясняется рядом факторов. Один из основных – преодоление в последнем десятилетии прошлого столетия методологического застоя в социологии религии (Дж. Бекфорд, Р. Робертсон, Д. Джордан),⁵. Рост публичной роли религии, сопровождаемый появлением новых теоретических работ и эмпирических исследований, демонстрировавших и объяснявших противоположные секулярным процессам тенденции, востребовали адекватную рефлексию сложности и многомерности религиозного феномена. С начала 1990-х гг. проблематика религиозного плюрализма становится новой (и пока еще довольно редкой) темой в социологии религии, в рамках которой реализуются исследования, направленные на сопоставление религиозного разнообразия в глобальном и региональных контекстах. Проект изучения религиозного плюрализма американского социолога Д. Эк, нацеленный на исследование многоконфессиональных реалий в США и в других регионах планеты, является первым и остается одним из крупнейших

⁵ См.: *Beckford, J.* The Insulation and Isolation of the Sociology of Religion // *Sociology of Religion*. Oxford, 1985. Volume 46, # 4; *Beckford, J.* Religion and Advanced Industrial Society. London: Routledge, 1989; *Robertson, R.* The Globalization Paradigm: Thinking Globally / Religion and the Process of Globalization. P. Beyer (ed.). Würzburg: Ergon, 2001; *Giordan, G.* Introduction: Pluralism as Legitimation of Diversity / Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World. G. Giordan and E. Pace (eds.). London: Springer, 2014. P. 1 – 2.

в настоящее время⁶. Под его влиянием, в значительной степени, в социологическом дискурсе сложился так называемый нормативно-оценочный подход к пониманию концепта «религиозный плюрализм»⁷. Обсуждению этой темы были посвящены конференции «После плюрализма: переосмысление моделей межрелигиозного взаимодействия», состоявшиеся в 2007 году⁸. Конференции выявили отсутствие согласия относительно трактовки концепта «современный религиозный плюрализм».

Вопросы осмысления и методологического аппарата исследования «религиозного плюрализма» в последнее десятилетие привлекли внимание ряда видных социологов религии: Дж. Бекфорда, Р. Вутноу, П. Бергера, О. Рииса, Дж. Спикарда, Дж. Джордана и др.⁹. Их публикации раскрывают широкий спектр ракурсов анализа «религиозного плюрализма», а также методологические доминанты его исследования социологическими методами. Вклад в осмысление этих вопросов вносят коллективные монографии: «Религиозный плюрализм: очерчивание рамок религиозного разнообразия в современном мире», вышедшая под редакцией итальянских социологов Дж. Джордана и И. Пэйс¹⁰, а также «Демократия и новый религиозный плюрализм» – редакция американского социолога религии Т. БенчOFFа¹¹.

На основе сопоставления различных точек зрения относительно объектно-предметных доминант в исследовании «религиозного плюрализма» диссертант предлагает свой ракурс анализа, что определило отбор релевантных теоретических и эмпирических источников, а также кейсов.

Выделим шесть групп источников.

Первая группа – работы авторов теории «религиозной экономики» или «маркетинговой» парадигмы, а также ученых, способствовавших совершенствованию методологии исследования религиозной среды. В конце

⁶ См.: <http://www.pluralism.org>

⁷ См.: *Eck, D. L. A New Religious America: How a “Christian Country” has Become the World’s Most Religiously Diverse Nation.* San Francisco: Harper-SanFrancisco, 2002; *Eck, D. American Religious Pluralism: Civic and Theological Discourse / Democracy and the New Religious Pluralism.* T. Banchoff (ed.). Oxford: Oxford UP, 2007. P. 243–270.

⁸ См. URL: <http://www.columbia.edu/cu/afterpluralism/>; <http://projects.chass.utoronto.ca/afterpluralism/>

⁹ См.: *Beckford, J. The Management of Religious Diversity in England and Wales with Special Reference to Prison Chaplaincy // International Journal on Multicultural Societies, 1999. # 1.2. P. 55–66; Beckford, J. Social Theory and Religion.* Cambridge: Cambridge UP, 2003; *Beckford, J. Re-Thinking Religious Pluralism / Religious Pluralism. Framing Religious Diversity in the Contemporary World.* G. Giordan and E. Pace (eds.). London: Springer, 2014. P. 31 – 48; *Wuthnow, R. America and the Challenges of Religious Diversity.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005; *Berger, P. Pluralism, Protestantization and the Voluntary Principle / Democracy and the New Religious Pluralism.* T. Banchoff (ed.). Oxford: Oxford UP, 2007. P. 16 – 30; *Berger, P. Religious Pluralism for a Pluralist Age / Culture & Society, April 25, 2005.* URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age>; *Riis, O. Modes of Religious Pluralism under Conditions of Globalisation // International Journal on Multicultural Societies, 1999. Vol. 1. N. 1. P. 26-27; Spickard, J. Human Rights, Religious Conflict, and Globalisation. Ultimate Values in a New World Order // International Journal on Multicultural Societies, 1999. Vol. 1. N. 1.; Giordan G. Introduction: Pluralism as Legitimization of Diversity / Religious Pluralism: Framing Religious Diversity in the Contemporary World (G. Giordan and E. Pace eds.). New York: Springer, 2014.*

¹⁰ См. *Religious Pluralism: Framing Religious Diversity in the Contemporary World.* G. Giordan and E. Pace (eds.). New York: Springer, 2014.

¹¹ См.: *Democracy and the New Religious Pluralism.* T. Banchoff (ed.). New York: Oxford University Press, Inc., 2007.

прошлого столетия Р. Финке, Р. Старк, У. Бейнбридж и Л. Ианнаконе предложили новый подход к анализу динамики религиозных изменений, основанный на законах функционирования рыночной экономики и постулатах теорий обмена¹². Ядром теории «религиозной экономики» является интерпретация связей между религиозным плюрализмом, религиозными рынками и активностью религиозных акторов. Постулаты теории выявляют наличие сложных связей между социальными контекстами, религиозным плюрализмом и жизнеспособностью религии. Исследование факторов, регулирующих плюрализм, проблематики границ религиозного плюрализма стало новаторской темой.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг теории «религиозной экономики», высветила проблемы ограниченности тематического поля социологии религии и применяемого методологического инструментария измерения религиозной среды. Новые перспективные направления анализа религии (влияния на религиозный выбор гендерных различий, факторов рациональности и иррациональности, типов институциональности, конфессиональных стратегий) представлены в работах М. Чавеса, Ф. Горского, Р. Гилла, П. Чэмберса, Д. Леманна, М. Найтц, П. Мюзера, Н. Аммерман, Э. Гилла, Л. Дэвидман и др.¹³. Теория «религиозной экономики» расценивается диссертантом как валидный инструментарий.

Вторая группа – источники, объединяющие подходы к анализу религии с позиций широкой панорамы глобального контекста. На рубеже веков обозначилось новое магистральное направление в социологии религии, в рамках которого формируются теоретические подходы и эмпирические практики, нацеленные на выявление и интерпретации наиболее типичных

¹² См.: *Finke, R., Stark, R.* Religious Economies and Sacred Canopies: Religious Mobilization in American Cities, 1906 // *American Sociological Review*, 1988. # 53; *Finke, R.* An Unsecular America / Religion and Modernization: Sociologist and Historians Debate the Secularization Thesis. Oxford: Clarendon Press, 1992; *Stark, R.* Rational Choice Propositions About Religious Movements / *Handbook on Cults and Sects*. Greenwich, CT: JAI Press, 1993; *Stark, R.* The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History. Princeton: Princeton University Press, 1996; *Stark, R., Bainbridge, W.* The Future of Religion. Berkeley, CA: University of California Press, 1985; *Iannaccone, L.* Sacrifice and Stigma: Reducing Free-riding in Cults, Communes, and Other Collectives // *Journal of Political Economy*, 1992. # 100. P. 271-91; *Iannaccone, L.* Rational Choice: Framework for the Scientific Study of religion / *Rational choice Theory and Religion*, L. Young (ed.) London: Routledge, 1996; *Stark, R. and Finke, R.* Acts of Faith. Explaining the Human Side of Religion. Berkeley, CA: University of California Press, 2000; *Finke, R., Stark, R.* The Dynamics of Religious Economies / *Handbook of the Sociology Religion*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003.

¹³ См.: *Chaves, M., Gorski, P.* Religious Pluralism and Religious Participation // *Annual Review of Sociology*, 2001; *Gill, R.* The Myth of the Empty Church. London: SPCK, 1993; *Gill, R.* Churching and Christian Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; *Chambers, P.* Religion, Secularization and Social Change: Congregational Studies in a Post-Christian Society. Cardiff: University of Wales Press, 2004; *Neitz, M. J. and Mueser, P.* Economic Man and the Sociology of Religion: a Critique of the Rational Choice Approach / *Religious Choice Theory and Religion: Summery and Assessment*, L. Young (ed.). London: Routledge, 1996; *Ammerman, N.* Religious Choice and Religious Vitality: The Market and Beyond / *Religious Choice Theory and Religion: Summery and Assessment*, L. Young (ed.). London: Routledge, 1996; *Gill, A.* Rendering unto Caesar: The Roman Catholic Church and the State in Latin America. Chicago, IL: University Chicago Press, 1998; *Gill, A.* The Struggle to be Soul Provider: Catholic Responses to Protestant Growth in Latin America / *Latin American Religion in Motion*, C. Smith and J. Prokopy (eds). London: Routledge, 1999; *Davidman, L.* Tradition in a Rootless World: Women Turn to Orthodox Judaism. Berkley: University of California Press. 1991.

глобальных трендов трансформации современной религии, изменений ее публичной роли и форм существования. Необходимость расширения ракурса анализа с позиций комплексного анализа религиозных феноменов на мировой арене обосновывают Дж. Бекфорд, Р. Робертсон, П. Бейер, Г. Дейви, Х. Казанова¹⁴. Теоретические интерпретации связи процессов глобализации и религии представлены в работах Дж. Бекфорда, Р. Робертсона, П. Бейера, Д. Леманна, Ш. Эйзенштадта, Б. Тернера, П. Бергера, С. Хантингтона, Т. Сордаса, С. Кэйла, М. Алброу, Э. Берстейна, Х. Казановы, Р. Инглхарта, У. Бейкера, П. Норрис¹⁵.

Особо отметим пласт работ, предлагающих разные объяснительные модели возросшей роли религии в современных конфликтах. Часто эта проблема рассматривается через призму реакции религии на процессы глобализации: П. Бейер, Д. Леманн, Дж. Бекфорд, Б. Тернер, С. Хантингтон, Б. Грим, Р. Финке¹⁶. Исследованию проблем глобального распространения харизматического направления протестантизма и ислама посвящены работы П. Фрестона, Ф. Дженкинса, С. Брюса, Д. Левина, Д. Столла, Н. Аммерман,

¹⁴ См.: *Beckford, J. Social Theory and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Robertson, R. The Globalization Paradigm: Thinking Globally / Religion and the Process of Globalization*. P. Beyer (ed.); *Beyer, P. Globalization and Glocalization / The Sage Handbook of the Sociology of Religion*. J. Beckford and N.J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Casanova, J. Globalizing Catholicism and the Return to the "Universal Church" / Transnational Religion and Fading States*. S.H. Rudolph and J. Piscatori (eds.). Boulder, CO: Westview Press, 1997; *Davie, G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda*. London: SAGE Publication Ltd., 2013; *Davie, G. New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective // Social Compass*, 2004. # 53.

¹⁵ См.: *Robertson, R. The Globalization Paradigm: Thinking Globally / Religion and the Process of Globalization*. P. Beyer (ed.). Würzburg: Ergon, 2001; *Beckford, J. Social Theory and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Albrow, M. The Global Age*. Stanford: Stanford University Press, 1997; *Csordas, T. Introduction: Modernities of Transnational Transcendence / Transnational Transcendence: Essays on Religion and Globalization*. T. Csordas (ed.). Berkeley: University of California Press, 2009; *Beyer, P. Religion and Globalization*. London: SAGE Publication Ltd, 1994; *Beyer, P. Globalization and Glocalization / The Sage Handbook of the Sociology of Religion*. J. Beckford and N.J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Turner, B. Globalization and the Future Study of Religion / The Future of the Study of Religion*. S. Jakelic and L. Pearson (eds.). Leiden: Brill, 2004; *Turner, B. Religion in a Post-Secular Society / The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion*. B. Turner (ed.). Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004; *Eisenstadt, S. The Transformations of the Religious Dimension in the Constitution of Contemporary Modernities / Religion and Politics: Cultural Perspectives*, B. Giesen and D. Suber (eds.). Leiden: Brill, 2005; *Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, церковь*, 2012. № 1(30); Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003; *Casanova, J. Globalizing Catholicism and the Return to the "Universal Church" / Transnational Religion and Fading States*. S.H. Rudolph and J. Piscatori (eds.). Boulder, CO: Westview Press, 1997; *Берстейн Э. Глобализация, культура и развитие / Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С Хантингтона*. М.: Аспект Пресс, 2004; *Norris, P., Inglehart, R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Inglehart, R., Baker, W. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American Sociological Review*, 2000. # 65; *Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

¹⁶ См.: *Beyer, P. Globalization and Glocalization / The Sage Handbook of the Sociology of Religion*, J. Beckford and N.J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Beyer, P. Globalization and Glocalization / The Sage Handbook of the Sociology of Religion*, J. Beckford and N.J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Turner, B. Globalization and the Future Study of Religion / The Future of the Study of Religion*. S. Jakelic and L. Pearson (eds.). Leiden: Brill, 2004; *Lehmann, D. Religion and Globalization / Religions in the Modern World*. L. Woodhead, P. Fletcher. H. Kawanami, D. Smith (eds.). London: Routledge, 2002; *Beckford, J. Social Theory and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; *Grim, B., Finke, R. The Rice of Freedom Died: Religious Persecution and Conflict in the 21st Century*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2011.

А. Пименова и др.¹⁷. В рамках российской социологии тематика религиозного экстремизма и взаимодействия приверженцев различных конфессий разрабатывается А.В. Дмитриевым, А.Г. Залужным, А.И. Кудрявцевым, С.А. Семедовым, А.В. Журавским, А.В. Малашенко и др.¹⁸.

С конца XX столетия в западной социологии религии стало формироваться субдисциплинарное направление, анализирующее такие феномены как «новые религиозные движения» (NRM), поп-религии, мега-церквей. Д. Бромли полагает, что данное направление следует именовать как «новые религиозные исследования» (NRS)¹⁹. Наиболее заметны в обозначенной области работы Д. Петерсона, Д. Левиса, Д. Мелтона, Ф. Лукаса, Э. Баркер, Т. Сордаса, В. Бэйнбриджа, Дж. Бекфорда, П. Гиффорда, Дж. Ричардсона, Д. Миллера и др.²⁰. Всестороннему анализу «духовной

¹⁷ См.: *Freston, P.* Evangelicals in Asia, Africa and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Freston, P.* Protestant Political Parties: A global Survey. Aldershot: Ashgate, 2004; *Freston, P.* Evangelism and Fundamentalism: The Politics of Global Popular Protestantism / The Sage Handbook of the Sociology of Religion. J. Beckford and N. J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Ammerman, N.* Bible Believers: Fundamentalism in the Modern World. Piscataway: Rutgers University Press, 1987; *Ammerman, N.* North American protestant Fundamentalism / Fundamentalisms Observed. S. Applesby and M. E. Marty (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991; *Bruce, S.* Fundamentalism. Cambridge: Poliry, 2000; *Bruce, S.* Politics and Religion. Cambridge: Poliry, 2003; *Levine, D., Stoll, D.* Bridging the Gap Between Empowerment and Power in Latin America / Transnational Religion and Fading States. J. Piscatori and S. Rudolf (eds.). Boulder: Westview Press, 1977; *Jankins, P.* The next Chistendom. New York: Oxford University Press, 2002; *Jenkins, P.* God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. Oxford: OUP, 2007; *Пименов А.* На пути к глобальному религиозному конфликту // Washington profile, 02.03.2005.

¹⁸ См.: *Журавский А.В.* религиозный экстремизм : реальность или фикция?: <http://www.religare.ru>; *Журавский А.В.* религиозный экстремизм в конфликте интерпретаций // Информационно-аналитический центр «Сова», 29. 10. 2003: <http://www.sova-center.ru>; *Залужный А.Г.* Современные проблемы противостояния экстремистской деятельности в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений / Правовые проблемы государственно-конфессиональных отношений в современной России. М., 2004; *Дмитриев А.В.* Религиозный терроризм: сущность, истоки, разновидности / Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах, отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008; *Кудрявцев А.И.* Проблемы правового противодействия экстремистским проявлениям в деятельности религиозных объединений / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Материалы конференции. Москва, 2005; *Нуруллаев А.А.* Религиозно-политический экстремизм: понятие, сущность, пути преодоления / Десять лет на пути к свободе совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений. М.: Институт религии и права, 2002; *Малашенко А.В.* Религию превращают в орудие этнополиических конфликтов // Россия и мусульманский мир, 1995. № 6; *Малашенко А.В.* Политический тупик или альтернатива развития // Азия и Африка сегодня, 1994. № 1.

¹⁹ См.: *Bromley, D.* Perspective: Whither New Religious Studies? Defining and Shaping a New Area of Study // Nova Religio, 2004. # 8 (2).

²⁰ См.: *Lewis, J., Peterson, J.* Controversial New religions. Oxford: Oxford University Press, 2005; *Melton, J.* Toward a Definition of "New Religion" // Nova Religio, 2004. # 8 (2); *Melton, J.* The New Age / Encyclopedia of Millennialism and millennial movements. New York: Routledge, 2000; *Lucas, P.* The Future of New and Minority Religions in the Twenty-First Century: Religious Freedom under Global Siege / New Religious Movements in the Twenty-First Century: Legal, Political and Social Challenges in Global Perspective. P. Lucas and T. Robbins (eds.). New York: Routledge, 2004; *Lucas, P.* New Religious Movements and the "Acids" of Postmodernity // Nova Religio, 2004, # 8; *Beckford, J.* Religious Movements and Globalization / Global Social Movements. London: Athelone Press, 2000; *Richardson, J.* A Social Psychological Critique of "Brainwashing" Claims about Recruitment to New Religions / The Handbook on Cults and Sects in America. D. Bromley and J. Hadden (eds.). Greenwich, CT: JAI Press, 1993; *Bainbridge, W.* New Age Religion and Irreligion / The Sage Handbook of the Sociology of Religion. J. Beckford and N. J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007; *Csordas T.* Global religion and the re-enchantment of the World: the Case of the Catholic Charismatic Renewal // Anthropological Theory, 2007. # 7 (3); *Barker, E.* The Church Without and the God Within: Religiosity and/or spirituality / The Centrality of Religion in Social Life. E. Barker (ed.). Aldershot: Ashgate, 2008; *Barker, E.* What are we Studing? A Sociology Case for Keeping the "Nova" // Nova Religio, 2004. # 8; *Miller, D.* Reinventing American Protestantism. Berkley: University of California Press, 1997, *Gifford, P.* Ghana's New Christianity: Pentecostalism on a Globalizing African Economy. Indianapolis: Indiana University Press, 2004.

революции» как знаковому феномену современного общества и трансформации религии посвящены работы П. Хииласа, Л. Вудхед, В. Сиил, С. Кэйл, М. Вуд и др.²¹. В отечественной социологии религии в последние годы интерес к данной проблематике заметно возрос, причем в исследованиях нередко применяются качественные методы. Отметим работы Л.И. Григорьевой, Т.С. Прониной, Ю.С. Федотова, М.Р. Бигновой, С.В. Алексеева, А. А. Королева, И.Я. Кантерова, А.А. Филькиной²².

На исследование факторов, влияющих на формирование глобальных и локальных трендов трансформации религиозного феномена через призму анализа мозаичности религиозной карты мира нацелены работы Д. Барретта, П. Браэрли, Д. Мартина, Г. Дейви, Х. Казановы, С. Брюса, П. Бергера, Ф. Дженкинса, С. Леманна, Э. Грили, Е. Бруско, Р. Уорнер, Р. Инглхарта, Р. Вутноу и др.²³.

Проблемы влияния религиозной идентичности иммигрантов на интеграционные процессы, изменение культурно-религиозных ландшафтов и связанные с этим риски исследуются в работах Р. Уорнера, П. Левитт, Б.

²¹ См.: Heelas, P., Woodhead, L., Seel, B. *The spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality*. Oxford: Blackwell, 2005; Heelas, P. *Detraditionalizing the Study of Religion / The Future of the Study of Religion*, S. Jakelic and L. Pearson (eds.). Leiden: Brill, 2004; Kale, S. *Spirituality, Religion, and Globalization // Journal of Macromarketing*, 2004. # 24 (2); Wood, M. *The Sociology of Spirituality: Reflections on a Problematic Endeavor / The Sage Handbook of the Sociology of Religion*. J. Beckford and N. J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007.

²² См.: Григорьева, Л.И. *Религии «Нового века» и современное государство*. Красноярск: Издательство СибГТУ, 2002. Григорьева Л.И. *Новые религиозные движения и государство в современной России / Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия: Материалы семинаров*. М.: Институт религии и права, 2001; Пронина Т.С., Федотов Ю.С. *Проблема типологизации религиозных объединений // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2012. № 10; Пронина Т.С., Федотов Ю.С. *Нетрадиционные, новые религиозные исследования: региональный опыт исследований*. Тамбов: Бизнес-наука-общество, 2012; Бигнова М.Р. *Новые религиозные движения в современном российском обществе: духовные смыслы и образовательные парадигмы // Европейский журнал социальных наук*, 2013. № 3 (31); Алексеев С.В., Королев А.А. *Новые религиозные движения*. М.: Издательство РГГУ, 2011; Кантеров И.Я. *Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ)*. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006; Филькина А.А. *Опыт отечественных исследователей новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции // Вестник Томского государственного университета*, 2010. № 1.

²³ См.: Brierley, P. *Future Church: A Global Analysis of the Christian Community to the Year 2010*. London: Monarch books, 1998; Martin, D. *The Future of Christianity*. Farnham: Ashgate, 2011; Martin, D. *Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America*. Oxford: Blackwell, 1990; Martin, D. *The Future of Christianity*. Farnham: Ashgate, 2011; *Religion in Modern Times: An Anthropology*. P. Heelas, L. Woodhead (ed.). London: Blackwell, 2000; Davie, G. *Europe: The Exceptional Case - Parameters of Faith in the Modern World*. London: DLT, 2002; Jenkins, P. *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*. Oxford: Oxford University Press, 2002; Casanova, J. *Religion, the New Millennium and Globalization // Sociology of Religion*, 2001. # 62 (4); Greeley, A. *A Religious Revival in Russia? // Journal for the Scientific Study of Religion*, 1994. # 33(3); Lehmann, S.G. *Religious Revival in Russia: Significant or Superficial? / Paper presented at the Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Washington, D.C., October 21, 1996*; Brusco, E. *The Reformation of Machismo: Asceticism and Masculinity Among Colombian Evangelicals / Rethinking Protestantism in Latin America*, D. Stoll and G. Burnett (eds.). Philadelphia, PA: Temple University Press, 1993; Berger, P. *Foreword / Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America*. Oxford: Blackwell, 1990; Bruce, S. *Religion in the Modern World: From Cathedral to Cults*. Oxford: Oxford University Press, 1996; Warner R. *The De-Europeanization of American Christianity / A Nation of Religions: The Politics of Pluralism in Multireligious America*, S. Prothero (ed.). Chapel Hill: University NC Press, 2006; Inglehart, R. *Why Didn't Religion Disappear? Re-examining the Secularization Thesis // WZB Mitteilungen*, 2006. № 1/6; Wuthnow, R. *America and the Challenges of Religious Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

Яворски, Р. Албы, Х. Казановы, А. Золберга, Р. Финке, Р. Старка, О. Халиди, К. Рууд, П. Стэтхэма, М. Гуиджни, Ф. Пэсси, Ч. Хиршман и др.²⁴.

Интернет как познавательный рынок, эффективное средство коммуникации и среда образования новых типов религиозных сообществ исследуется в работах С. Кэйли, М. Колодзески и др.²⁵.

Переосмысление публичной роли религии инициировало в последние годы разворачивание широких дискуссий вокруг утверждения, что современное общество следует интерпретировать в терминах «пост-секулярного». Данное понятие пришло из трудов Ю. Хабермаса, посвященных рациональности и анализу изменений роли религии в публичной сфере²⁶. В сообществе социологов религии суждения о современной эре как «пост-секулярной» вызвали неоднозначные оценки, содержащиеся в работах Б. Тернера, Дж. Димерата, Ш. Эйзенштадта, Дж. Бекфорда, Г. Дэйви, Д. Мартина, Б. Трейнора, Ф. Горского²⁷.

Подход к анализу религиозного разнообразия через призму глобальной панорамы и процессов глобализации рассматривается диссертантом как валидный инструментальный анализ современного религиозного плюрализма.

Третья группа объединяет труды, представляющие теоретические подходы к динамике религиозных изменений с опорой преимущественно на

²⁴ См.: Warner R. Religion and New (post-1965) Immigrants: Some Principles Drawn From Field Research // American Studies, 2000. # 41; Warner R. The De-Europeanization of American Christianity / A Nation of Religions: The Politics of Pluralism in Multireligious America, S. Prothero (ed.). Chapel Hill: University NC Press, 2006; Levitt, P., Jaworsky, B. Transnational Migration Studies: The Longue Duree // Annual Review of Sociology, 2007. Vol. 33; Alba R., Nee, V. Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. MA: Harvard University Press, 2003; Asian American Religions: The Making and Remaking of Borders and Boundaries, T. Carnes and F. Yang (eds.). New York: NY University Press, 2004; Ruud, K., Statham, P., Giugni, M. and Passy, F. Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2005; Warner, C., Wenner, M. Religion and the Political Organization of Muslims in Europe // Perspectives on Politics, 2006. Vol. 4, No. 3; Casanova, J., and Zolberg, A. Religion and Immigrant Incorporation in New York. Paper presented at conference on Immigrant Incorporation in New York. 2002; Finke, R., Stark, R. The Dynamics of Religious Economies / Handbook of the Sociology Religion. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003; Халиди О. Теоретические и практические аспекты жизни мусульман в Соединенных Штатах / Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения, и устремления. 2005: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/muslims_in_america/1131005267.html; Hirschman, C. The Role of Religion in the Origins and Adaptation of Immigrant Groups in the United States // International Migration Review, 2004. # 38.

²⁵ См.: Kale, S. Spirituality, Religion, and Globalization // Journal of Macromarketing, 2004. # 24 (2); Kale, S. Marketing Of Religion in Cyberspace // The 10th Conference of the ESA "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, 7-10 September, 2011. Abstracts Book; Kolodziejaska, M. I'm Attending Church and I Like It. The Role of Religion on The Internet // The 10th Conference of the ESA "Social Relations in Turbulent Times". Geneva, 7-10 September, 2011. Abstracts Book.

²⁶ См.: Habermas, J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy, 2006. Vol.14(1); Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь мир, 2011; Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: ББИ, 2006.

²⁷ См.: Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, церковь, 2012. № 1(30); Beckford, J. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religion, 2012. # 51; Davie, G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. London: SAGE Publication Ltd., 2013; Martin, D. The Future of Christianity. Farnham: Ashgate, 2011; Трейнор Б. Теоретизируя на тему постсекулярного общества // Государство, религия, церковь, 2012. №2 (30); Beckford, J., Demerath, N. J. Introduction / The Sage Handbook of the Sociology of Religion. London: SAGE Publication Ltd., 2007; Gorski P. The Post-Seculare in Question / The Post-Secular in Question: religion in contemporary society, P. Gorski (ed.). NY: Social Science Research Council, 2012.

анализ контекстов христианских стран Запада. Интерпретации феномена секуляризации демонстрируют Т. Лукман, Д. Мартин, М. Чавес и Ф. Горский, Р. Старк, Л. Ианнаконе, А. Грили, Ч. Браун, Э. Грили, Р. Инглхарт и др.²⁸. Заслуживает внимание современное прочтение секуляризации в работах П. Бергера, С. Брюса, К. Доббелара²⁹. Актуальны оценки влияния плюрализации и индивидуализации на секуляризацию Р. Фенна и Р. Белла³⁰. Представляют особый интерес работы Г. Дейви, в которых с позиции теории «заместительной религии» представлены интерпретации процессов снижения дисциплинирующей роли религиозных институтов, приватизации религиозности и траекторий религиозных изменений в контексте современной «исключительности» стран Западной Европы³¹. Исследуют новые формы религиозности и влияние религиозной идентичности на повседневные практики А. Грил, Л. Дэвидман, Е. Хамберг, Т. Петтерссон, Д. Поллак, О. Мюллер, О. Пикель, С. Коллинз-Мэйо, Р. Хиилас, Л. Халмэн, О. Риис, М. Проктер, М. Смит и др.³².

²⁸ См.: *Luckmann, T.* The privatization of Religion and Morality / Detraditionalization. P. Heelas, S. Lash and D. Lyon (eds.). Cambridge: Polity, 1996; *Luckman, T.* Religion Situation in Europe: the Background to Contemporary Conversions // *Social Compass*, 1999; *Chaves, M. and Gorski, P.* Religious Pluralism and Religious Participation // *Annual Review of Sociology*, 2001. # 27; *Stark, R. and Iannaccone, L.* A Supply-Side Reinterpretation of the "Secularization of Europe" // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1994; *Stark, R. and Iannaccone, L.* A Supply-Side Reinterpretation of the "Secularization of Europe" // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1994; *Martin, D.* The Religious and the Secular. London: Routledge, 1969; *Greeley, A.* The Faith We Have Lost. Religious Change in America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989; *Greeley, A.* Religion in Europe at the End of the Second Millennium: A Sociological Profile. London: Transaction. 2003; *Brown, C.* A Revisionist Approach to Religious Change / Religion and Modernization, Steve Bruce (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1992; *Greeley, A.* Religion as Poetry. New Brunswick: Transaction Publishing, 1995; *Inglehart, R.* Why Didn't Religion Disappear? Re-examing the Secularization Thesis // *WZB Miteilungen*, 2006. # 1/6.

²⁹ См.: *Berger, P.* The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. P. Berger (ed.) Mich.: Ethics and Policy Center and Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1999; *Bruce, S.* Choice and Religion: A Critique of Rational Choice Theory. Oxford: Oxford University Press, 1999; *Bruce, S.* God is Dead: Secularization in the West. Oxford: Blackwell, 2002. *Bruce, S.* Secularization: In Defense of an Unfashionable Theory. Oxford: Oxford University Press, 2011; *Dobbelaere, K., Jagodzinski, W.* Religious Conditions and Beliefs / The Impact of Values. Oxford: Oxford University Press, 1995; *Dobbelaere, K.* Testing Secularization Theory In Comparative Perspective // *Nordic Journal Of Religion And Society*, 2007. # 20.

³⁰ См.: *Fenn, R.* Crowds, Time, and Essence of Society / Secularization, Rationalism and Sectarianism: Essays in Honor of Bryan Wilson. E. Barker, J.A. Beckford and K. Dobbelaere (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1993; *Bellah, R., Madsen, R., Sullivan, W., Swidler, A., Tipton, S.* Habits of the Heart. Berkeley: University of California Press, 1985; *Fenn, R.* Toward a Theory of Secularization. Storrs CO: Society for the Scientific Study of Religion, 1978.

³¹ См.: *Davie, Grace.* The Sociology of Religion: A Critical Agenda. London: SAGE Publication Ltd., 2013; *Davie, G.* Vicarious Religion: A Methodological Challenge / Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives, N. Ammerman (ed.). New York: Oxford University Press, 2007; *Davie, G.* Religion in Britain Since 1945: Believing without Belonging. Oxford: Blackwell, 1994; *Davie, G.* Religion in Modern Europe: A Memory Mutates. Oxford: Oxford University Press, 2000; *Davie, G.* Europe: The Exceptional Case - Parameters of Faith in the Modern World. London: DLT, 2002; *Davie, G.* New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective // *Social Compass*, 2004. # 53.

³² См.: *Greil, A., Davidman, L.* Religion and Identity / The Sage Handbook of the Sociology of Religion, J. Beckford and N.J. Demerath (eds.). London: SAGE Publications Ltd., 2007, *Hamberg, E. and Pettersson, T.* The Religious Market: Denominational Competition and Religious Participation in Contemporary Sweden // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1994. # 33; *Pollack, D., Muller, O., Pickel, G.* Church and Religion in the Enlarged Europe: Analyses of the Social Significance of Religion in East and West. Frankfurt: European University Viadrina, 2007; *Pollack, D.* Religious Change in Europe: Theoretical Considerations and Empirical Findings / Religion and Democracy in Contemporary Europe. London: Alliance Publishing Trust, 2008. *Collins-Mayo, S.* Young People's Vicarious Religion // *ISA Newsletter of the Research Committee 22 - XVII ISA World Congress of Sociology Report*, 2010. # 6; *Heelas, P.* Detraditionalizing the Study of Religion / The Future of the Study of Religion, S. Jakelic and L. Pearson (eds.). Leiden: Brill, 2004; *Religion in Secularizing Society: The European's Religion at the End of the 20th Century.* L. Halman and O. Riis (ed.). Leiden:

Четвертая группа – работы, поднимающие проблемы методологии измерения религиозного разнообразия. Методологический инструментарий измерения и анализа религиозного плюрализма предложен в работах Р. Финке, С. Шэйтла, Р. Старка³³; перспективные рекомендации сделаны К. Добелларом и Х. Казановой, Б. Гримом, И. Штольцем, Д. Поллаком³⁴. Способы операционализации религиозности, позволяющие преодолеть проблемы получения противоречивых результатов измерения, представлены Д. Воасом, Д. Олсоном, А. Крокеттом, М. Чавесом, Ф. Горским, Д. Фолкнером, Г. Йонгом. П. Хилом, Р. Худом, Й. Столзом и др.³⁵. В диссертации анализируется методологическая стратегия измерения религиозности и влияния религиозного разнообразия на жизнеспособность религии, предложенная группой западных социологов С. Хубером, К. Китолом, Р. Траунмюллером, которая, по нашему убеждению заслуживает широкого распространения и применения в эмпирической практике³⁶.

В пятую группу выделены исследования отечественных социологов, в основном фокусирующих внимание на различных аспектах религиозности и религиозных изменений в российском обществе. Анализ проявления и влияния религиозного фактора на различные аспекты общественной жизни отражен в работах Ж.Т. Тощенко, В.И. Гараджи, Р. А. Лопаткина, М.П. Мчедлова, И.Н. Яблокова, М.М. Мчедловой, М.Г. Писманика, Е.А. Островской, Д.Е. Фурмана, А.С. Ваторопина и др.³⁷. Особо отметим

Brill, 2003; *Procter, M., Hornsby-Smith, M.* Individual Religiosity, Religious Context and Values in Europe and North America / Religion in Secularizing Society. Boston: Brill, 2003.

³³ См.: *Finke, R., Scheitle, C.* Pluralism as Outcome: The Ecology of Religious Resources, Suppliers, and Consumers. // Interdisciplinary Journal of Research on Religion, 2009; *Finke, R., Stark, R.* The Dynamics of Religious Economies / Handbook of the Sociology Religion. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003.

³⁴ См.: *Dobbelaere, K.* Testing Secularization Theory In Comparative Perspective // Nordic Journal Of Religion And Society, 2007. # 20; *Casanova, J.* Public Religion in the Modern World. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1994; *Grim, B., Finke, R.* The Rice of Freedom Died: Religious Persecution and Conflict in the 21st Century. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2011; *Pollack, D.* Religious Change in Europe: Theoretical Considerations and Empirical Findings / Religion and Democracy in Contemporary Europe. London: Alliance Publishing Trust, 2008; *Stolz, J.* Explaining Religiosity: Towards a Unified Theoretical Model // British Journal of Sociology, 2009. # 60

³⁵ См.: *Voas, D., Olson, D., Crockett, A.* Religious Pluralism and Participation: Why Previous Research Is Wrong // American Sociological Review, 2002. # 64; *Chaves, M., Gorski, P.* Religious Pluralism and Religious Participation // Annual Review of Sociology, 2001. # 27; *Фолкнер Д., Дейлонг, Г.* Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования, 2011. № 12; *Hill, P., Hood, R.* Measure of Religiosity. Birmingham: Religious Education, 1996; *Stolz, J.* Explaining Religiosity: Towards a Unified Theoretical model // The British Journal of Sociology, 2009. Vol. 60, # 2.

³⁶ См.: *Huber, S., Ketola, K., Traummuller, R.* Religious Diversity and Religious Vitality: New Measuring Strategies and Empirical Evidence // Interdisciplinary Journal of Research on Religion, 2013. Volume 9; *Huber, S., Huber, O.* The Centrality of Religiosity Scale. // Religions, 2012. # 3.

³⁷ См.: *Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность. М.: Academia, 2007; *Мчедлов М.П.* Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005; *Мчедлов М.П.* Религиозная ситуация в России: реалии, противоречия, прогнозы // Свободная мысль, 1993. №5; *Гараджа В.И.* Политика и религия // наука и религия, 1991. № 3; *Лопаткин Р.А.* Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации / Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 4. М.: РАГС, 2009; *Лопаткин Р.А.* Комментарии / Материалы заседания научного совета ВЦИОМ: «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации» (25 июня 2012) // Мониторинг общественного мнения, 2012. №4(110); *Мчедлова М.М.* Религия в жизни россиян / Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. Горшкова М.К., Крумма Р., Тихоновой Н.Е.

коллективную монографию «Монтаж и демонтаж секулярного мира», в которой исследуется проблема соотношения секуляристской тенденции и частичного демонтажа секуляризма на примере анализа паттернов религиозного разнообразия в России³⁸. Вопросам измерения религиозности и конфессионального разнообразия посвящены работы С.Д. Лебедева, Ю.Ю. Синелиной, М.Ю. Смирнова, В.Ф. Чесноковой, Р.А. Лопаткина, Ю.П. Зуева, А.А. Нуруллаева, Э.П. Филимонова, Е.С. Элбакян, С.Б. Филатова, Р.Н. Лункина, Д.Е. Фурмана, К. Каарияйнен, Е.В. Пруцковой, Л.М. Воронцовой, О.Ю. Бреской, Б.В. Дубина и др.³⁹.

Особой площадкой для развития научного поиска в области социологии религии в последние годы стали конгрессы Международной и Европейской социологических ассоциаций. Судьбоносным событием для социологов

М.: Альфа-М, 2009; Мчедлова М.М. Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология, 2014. № 4.; Мчедлова М.М. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора // Вестник российской нации, 2015. Т. 3. № 41; Яблоков И.Н. Религиоведение. М.: Гардарики, 1998; Яблоков И.Н. Социология религии: теоретические проблемы. М.: Макс-Пресс, 2014; Писманик М.Г. Этюды о социальных перспективах отечественной религиозности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2010. № 3; Писманик М.Г. К феномену религиозного Ренессанса / Современное общество: вопросы теории, методологии и методов социальных исследований. Пермь: ПГТУ, 2002; Островская Е.А. Традиционные религиозные идеологии России и Южной Кореи в сравнительной перспективе // Журнал социологии социальной антропологии, 2012. Т. XV. № 4 (63); Островская Е.А. Исламский проект глобализации и его ключевые составляющие // Теория и практика общественного развития, 2015. № 17; Фурман Д. Е. Наши десять лет: политический процесс в России с 1991 по 2001 годы. СПб: Летний сад, 2001; Ваторопин А.С. Клерикализм в современной России: допустимые границы влияния на политическую жизнь // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2; Ваторопин А.С. Исламисты в современной России: генезис и перспективы развития социально-религиозного движения / Актуальные проблемы социологии: сборник научных трудов. Екатеринбург: УрФУ, 2013.

³⁸ Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

³⁹ См.: Лебедев С.Д. Религиозность в поисках «Рубикона» // Социологический журнал, 2005. № 5. Лебедев С.Д. Рефлексивный потенциал православной культуры в России, 1990–2000-е гг.: к социологическому анализу проблемы // Социологический журнал, 2012. № 3; Синелина Ю.Ю. Изменение религиозного мировоззрения россиян. Православные и мусульмане. М.: Наука, 2006; Синелина Ю.Ю. Динамика уровня воцерковленности населения / Россия: новые цели и приоритеты. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006; Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования, 2001. № 7; Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013; Смирнов М.Ю. Религиозная жизнь в пространстве мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) / Религиозное многообразие в российском мегаполисе. СПб: Древо жизни, 2014; Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005; Лопаткин Р.А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2001. № 4; Зуев Ю.П. Российские католики и протестанты на «канонической территории» русской православной церкви: поиск *modus vivendi* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2007. № 3; Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования, 1995. № 11; Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6; Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX - начала XXI века. М.: ОГНИ ТД, 2006; Мчедлов М.П., Нуруллаев А.А., Филимонов Э.П., Элбакян Е.С. Религия в Зеркале общественного мнения // Социологические исследования, 1994. № 5; Филатов С.Б. Преодолеем ли предрассудки? // Свободная мысль, 1993. № 3; Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2012. № 2; Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования, 2011. № 12; Дубин Б. В. Вера большинства / Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Политическая энциклопедия, 2014; Дубин Б.В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2004. № 3.

религии стал XVII всемирный социологический Конгресс международной социологической ассоциации, состоявшийся в 2010 году в Швеции⁴⁰.

Таким образом, в современном социологическом дискурсе религии присутствует широкий спектр предметных сфер и теоретико-методологических подходов. Проблематика диссертации требует применения комплексного анализа тенденций, проявляющих плюральность современной религии и многообразие социальных проекций религиозного плюрализма.

Объектом исследования являются институциональные реалии и конкретные социальные практики, представляющие собой современный религиозный плюрализм.

Предметом исследования являются современные паттерны религиозного плюрализма, а также теоретико-методологические рефлексии, характерные для западной социологии религии конца XX – начала XXI века. Диссертация включает в предметную сферу анализ конкретных социальных кейсов и глобальных диспозиций, репрезентирующих множественность форм и процессов современных религиозных трансформаций.

Цель диссертационного исследования – выявление и интерпретация характерных признаков религиозного плюрализма. Данная цель конкретизируется необходимостью определения методологической «оптики» познания современного религиозного плюрализма, раскрытия интерпретивно-гносеологического потенциала представленных в западной социологии религии новейших теоретико-методологических подходов, релевантных проблематике религиозного плюрализма, а также определения перспективных направлений теоретического и методологического поиска.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Обозначить специфику концептуализации понятия «религиозный плюрализм» в условиях современных реалий и место религиозного разнообразия в предметном поле исследования религиозного плюрализма.
2. Представить интерпретации динамики религиозных трансформаций, сопряженных с ростом религиозного разнообразия через призму социологических теорий религии и определить теоретические контуры анализа современного религиозного плюрализма.
3. Представить свой подход к конструированию модели исследования религиозного плюрализма и обозначить продуктивные для анализа предметные поля, что позволит обосновать авторское определение концепта «современный религиозный плюрализм» и способов его операционализации.

⁴⁰ См.: The XVII ISA World Congress of Sociology. Sociology on the Move. Reports. Gothenburg, Sweden, 11-17 July, 2010.

4. Раскрыть познавательный потенциал теорий, интерпретирующих связь религии и глобализации, выявить природу качественно новых паттернов религиозного разнообразия, развившихся под влиянием глобализации.
5. Исследовать современное конфессиональное разнообразие с точки зрения глобальной перспективы и диагностировать наиболее значимые тренды изменений религиозной карты мира. Выделить группу доминантных акторов современного религиозного плюрализма.
6. На основе эмпирического и теоретического анализа современных форм религиозности и религиозных практик раскрыть их качественные признаки, определяющие новый образ религиозного разнообразия.
7. Провести анализ феномена «южного» христианства и показать его особое место в траектории современных религиозных трансформаций в глобальной перспективе.
8. Раскрыть теоретико-методологический потенциал теории «религиозной экономики» в объяснении и диагностике современных паттернов трансформаций религиозного комплекса, взаимосвязи религиозного плюрализма и жизнеспособности религии.
9. С опорой на методологию теории «религиозной экономики» и эмпирические факты выявить современные доминантные тренды, характеризующие контексты обеспечения и регулирования религиозного плюрализма. Исследовать религиозный рынок США как особый образец развития и ограничения религиозного плюрализма.
10. На основе рассмотрения религиозной ситуации в странах Западной Европы оценить валидность секулярного подхода в интерпретации динамики религиозных изменений и очертить современную европейскую модель религиозной плюрализации.
11. Исследовать влияние современных реалий и теоретических новаций на критическую саморефлексию теорий секуляризации, выделить наиболее типичные проявления секулярных эффектов религиозного плюрализма, и определить на этой основе методологически эффективный инструмент измерения и анализа современной секуляризации.
12. Выявить современные паттерны религиозного плюрализма в России и оценить степень секулярности российского общества как постсоциалистической страны, проходящей период религиозного ренессанса.
13. Обозначить проблемные зоны эмпирического анализа связи современного религиозного плюрализма и жизнеспособности религии, обосновать необходимость применения новых подходов к концептуализации понятия «религиозность» и продуктивность методологии измерения жизнеспособности религии С. Хубера, К. Китола и Р. Траунмюллера.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляет совокупность подходов и методов, выбор которых обусловлен спецификой поставленной в исследовании проблемы, определением предметной области и спектра задач, а также стремлением достижения валидности данного исследования. Они восходят к трем базовым направлениям теоретических школ в социологии религии – функционализму, когнитивизму и критической школе, а также теориям, интерпретирующим связь религии и глобализации, что позволило подойти к раскрытию феномена религиозного плюрализма с различных ракурсов и уровней анализа. Автор опирается не только на взаимодополняющие, но и альтернативные теоретические подходы. Используются методологии анализа, представленные в рамках ревизионистских теорий секуляризации, теорий «заместительной религии» и «религиозной экономики». В качестве базового методологического инструмента в исследовании выступает интегративный и структурно-деятельный подход (Э. Гидденс, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Т. Лукман⁴¹), применение которого обусловлено усложнением, повышенной динамикой и рефлексивностью сопряжения поля религии с общественными сферами и «жизненными мирами» индивидов. Данный подход позволил обеспечить комплексность анализа феномена религии на основе совмещения разноуровневых теорий и пространственно-временных координат.

В работе использованы принципы компаративного подхода, общенаучные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, что позволило выстроить интерпретации во взаимосвязи теоретико-методологического уровня и конкретных социальных проявлений феномена религии, а также на основе сравнительного анализа паттернов религиозного плюрализма в культурно-исторической проекции обеспечить выделение общего и особенного. Методы вторичного анализа эмпирических данных, количественных и качественных исследований, позволили верифицировать теоретические построения и выводы автора относительно множественности современных проявлений религиозного плюрализма, влияния социокультурных факторов и религиозного разнообразия на жизнеспособность религии.

Эмпирическую и информационную базу исследования составил массив данных зарубежных и отечественных социологических исследований,

⁴¹ Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003; Бурдьё П. Структуры, habitus, практики / Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003; Лукман Т. Герменевтика как социологическая парадигма? / Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива / общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2000.

материалы международных и общероссийских научных конференций, СМИ и Интернет-сайтов:

- аналитические материалы ООН по проблемам влияния глобализации на рост религиозного разнообразия;
- данные международного исследовательского Проекта «Место религии в общественной жизни», Всемирной христианской энциклопедии, Всемирной христианской базы данных, международного архива данных исследований религий в мире «The Association of Religion Data Archives», общероссийского Проекта исследования религии «Среда», репрезентирующие тренды глобальной и локальной динамики религиозных изменений⁴²;
- эмпирические исследования зарубежных и отечественных социологов, опубликованные в научных периодических изданиях, в том числе автора работы;
- статистические данные общероссийских исследований Института социологии РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центра;
- выступления ученых, религиозных и политических деятелей по проблемам, входящих в предметную сферу анализа проблематики религиозного плюрализма, опубликованные в материалах СМИ и научных конференций.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования

Работа вносит теоретический и практический вклад в осмысление проблемы современного религиозного плюрализма посредством выявления и систематизации паттернов множественности форм существования современной религии, процессов ее трансформации и влияний на общество и индивидов. В научный оборот введен новый теоретический, эмпирический и фактологический материал. Анализ современного религиозного комплекса, представленный в работах западных социологов религии конца XX – начала XXI века, позволяет обогатить отечественную дисциплинарную область исследования религии новыми содержательными аспектами. Самостоятельное прикладное значение имеет представленный в работе подход к определению методологической «оптики» познания современного религиозного плюрализма, в том числе операционализации концепта «современный религиозный плюрализм», обозначившей влияние проблем неравенства и конфликтов на смещение доминант в область интерпретаций и измерений религиозного разнообразия. Акцентация внимания на проблеме жизнеспособности религии и предложенные методологические решения измерения современной религиозности расширяют эпистемологические

⁴² См.: <http://www.pewforum.org> ; World Christian Encyclopedia: A Comparative Survey of Churches and Religions in The Modern World. Oxford: Oxford University Press, 2001; <http://www.worldchristiandatabase.org>; <http://www.thearda.com>; <http://sreda.org>

возможности в познании места и роли религии в обществе. Аналитические положения и выводы, представленные автором, могут быть использованы для выстраивания прогностических сценариев разворачивания социально-политических процессов в обществе, непосредственно и косвенно соприкасающихся с религиозной сферой. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов по социологии религии, теории социологии, этносоциологии, религиоведению, политологии, культурным и политически аспектам международных отношений, а также в осуществлении консультативной и экспертной работы.

Научная новизна исследования

1. Впервые в отечественной социологии проведен комплексный анализ современного религиозного плюрализма в контексте его социокультурной динамики, глобальных и локальных социальных измерений с опорой на критический анализ новейших теоретико-методологические подходов, представленных в социологии религии конца XX – начала XXI века.
2. Выявлено, что определение концепта «современный религиозный плюрализм» обусловлено рядом факторов, наделяющих его новыми смыслами в условиях современных реалий, что позволило обозначить русло социологической концептуализации и операционализации современного религиозного плюрализма, в основу которого заложен принцип отделения эмпирического разнообразия от нормативных понятий плюрализма.
3. Выделены и систематизированы основные направления развития современного дискурса социологии религии в ракурсе проблематики религиозного плюрализма. Обосновано, что теоретические и предметные поля социология религии находятся в движении, выраженном в диффузии и плюрализации теоретических подходов, включая критику американо-, евро- и христоцентризма, детерминирующих когнитивные и аналитические фреймы познания религиозного плюрализма.
4. Дано авторское определение «современного религиозного плюрализма» и обоснована модель его исследования, в основу которой заложен принцип множественности и фрагментированности религиозного разнообразия по социоструктурным и пространственным уровням, что позволило сделать вывод о наличии множества религиозных плюрализмов.
5. Показан интерпретивно-гносеологический потенциал подходов к анализу религиозного плюрализма через призму глоболокального контекста и процессов глобализации.
6. Раскрыта идентификация населения мира с определенной религией. Выявлены и систематизированы современные тренды изменений конфессиональных пропорций на мировой арене, сделаны выводы об их

критическом влиянии на сценарии межконфессиональных и государственно-религиозных отношений.

7. На примере анализа феномена «южного» христианства обосновано, что глобализация запускает процессы деноминализации и гибридизации религии, показан вклад данного феномена в сохранение дисциплинирующей роли религиозных институтов в условиях современной религиозной плюрализации.

8. Обосновано, что доминантными трендами современных религиозных трансформаций являются демократизация религиозности и изменение ее социального пространства.

9. Показан вклад теории «религиозной экономики» в смену эпистемологических координат социологии религии, выявлена методологическая эффективность ее постулатов.

10. Выявлено, что процессы современного религиозного плюрализма сопровождаются трансформацией функциональных, пространственных и содержательных границ «религиозного сообщества». Обоснованы рост разнообразия и популярности религиозных сообществ, а также их амбивалентные роли в современном мире.

11. Выявлены доминантные тренды регулирования современного религиозного плюрализма, обосновывающие пределы роста религиозного разнообразия. Доказано, что олигополия является преобладающим типом государственно-религиозных отношений в современном мире, а также показана роль доминирующей религиозной культуры в ограничении развития религиозного плюрализма.

12. Показан вклад ревизии парадигмы секуляризации в развитие и обогащение методологического инструментария познания современного религиозного плюрализма.

13. Раскрыто многообразие проявлений религии в сосуществовании процессов секуляризации и сакрализации, деиндивидуализации и приватизации в динамике религиозного плюрализма в России.

14. Проанализированы новейшие подходы к решению задачи измерения связи религиозного разнообразия и жизнеспособности религии, в связи с чем обоснована потребность критической переоценки концепта «религиозность» и предложен способ его операционализации.

Положения, выносимые на защиту

1. Циркулируемые в научном дискурсе различные подходы к определению концепта «религиозный плюрализм» вносят неопределенность в очерчивание предметно-объектного поля его познания и нуждаются в

уточнении с учетом современных реалий: во-первых, возросшей неопределенности критериев религии и размывания идентификационных границ религиозных акторов как следствие трансформации религиозного разнообразия; во-вторых, снижения релевантности позитивно-нормативных коннотаций концепта в то время, когда конфликты с участием религиозного фактора в большей степени, чем консенсус доминирует в повестке дня, и приверженность политике «равного уважения» или «равных возможностей» на практике становится все менее реалистичной как следствие неизбежного роста религиозного разнообразия и образования суперразнообразных локальных социальных контекстов. Поэтому адекватное реалиям отображение современного религиозного пейзажа требует расширения границ понимания того, что считается религией, а с аналитической точки зрения следует отделить эмпирическое разнообразие от нормативных понятий плюрализма. В рамках социологического анализа «современный религиозный плюрализм» следует использовать как описательный, а не нормативный концепт. Религиозное разнообразие в нашем понимании – это эмпирическая основа для измерения и анализа религиозного плюрализма.

2. Раскрытие и объяснение паттернов современного религиозного плюрализма во всем их многообразии предполагает применения плюралистического подхода – опоры на комплекс взаимодополняющих теорий. Доминирующий дискурс социологии религии репрезентирует три направления теоретических школ – функционализм, когнитивизм и критическую теорию, а также теорию «религиозной экономики», «заместительной религии» и теоретические подходы, раскрывающие связь религии и глобализации. Все они высвечивают различные доминанты современного религиозного плюрализма, позволяющие в комплексе выстроить модель анализа через призму понимания того, что религиозный плюрализм в условиях современного общества предрасположен к множественности как с точки зрения структурной сложности, так и наличия признаков «традиционного» и «современного»; основан на приватизации религиозных практик и развитии религиозных рынков в условиях расширения религиозных свобод; инициирует риски для всего религиозного комплекса; характеризуется контрастирующими каналами легитимации.

3. Религиозный плюрализм отражает степень религиозной гетерогенности в пределах общества на трех последовательных и определенным образом взаимосвязанных уровнях: индивидуальном, организационном и социальном. «Настройка» всех этих аспектов разнообразия варьируется от страны к стране в соответствии с религиозной историей, религиозным составом и иными социальными факторами, а также

ракурсами анализа – локальным или глобальным. Поэтому нет и не может быть универсального образа современного религиозного плюрализма, есть множество контекстно и пространственно обусловленных плюрализмов, отражающих специфику религиозного разнообразия и связанных с ним процессов и феноменов на разных уровнях социальности. Современный религиозный плюрализм определен как сосуществование в рамках одного локального сообщества или глобального общества разнообразия религиозных форм, практик, процессов, видов религиозностей, а также мировоззрений и диспозиций по отношению к религиозному разнообразию, проявляющих себя различным образом на разных, определенным образом взаимосвязанных уровнях социальности (макро-, мезо- и микро-).

4. Доминирующим трендом в эру глобализации является плюрализация религии в ее глокальных проекциях. Показана амбивалентная роль религии в процессе глобализации: она может быть одним из источников/инициатором глобализации, ее компонентом и «пострадавшей» стороной, что, соответственно, предполагает множество видов взаимодействия с культурной, идеологической, политической, и экономической средами. Все это задает нелинейные траектории религиозных изменений и объясняет доминирование трендов популяризации религии, ее коммерциализации, критического дублирования религиозных и культурных сфер, активизации ривайвелистской религии, сопряженной часто с проявлениями фундаментализма, а также роста новых форм духовности и неопределенности/синкретичности современных религиозных идентичностей.

5. Современная глоболокальная мозаика религий находится в движении, что задает нелинейную динамику разнообразия религиозных идей и акторов, имеющих различный уровень влияния на глобальном и локальных уровнях. В глобальном масштабе оформилось три доминирующие и динамично развивающиеся тенденции: (1) возрастание конкуренции между христианством и исламом на фоне долгосрочной тенденции потери христианством своей «рыночной» доли и роста ислама; (2) стремительный рост самостоятельной ветви христианской религии на территории развивающихся стран; (3) постепенное и непреодолимое перемещение центра тяжести христианской популяции в Южное полушарие, а ислама – в Северное. Значение обозначенных глобальных процессов раскрывается в природе показательных трендов современного общества, связанных с артикуляцией религиозных интенций в контексте растущего противостояния между глобальным Севером и Югом. Тенденции к глобализации нескольких универсалистских религий (ислама и двух ветвей христианства) создают

риски монополизации и дестабилизации контекстов религиозного плюрализма, поскольку каждая из них может фактически эволюционировать от состояния мирного сосуществования к открытому конфликту или господству религиозного «большинства» над «меньшинством».

6. Рефлексией религии на глобализацию является деноминализация и гибридизация. Феномен «южного» христианства является типичным примером: образования в условиях особой специфики социальной среды развивающихся стран новой религии (новой религиозной культуры) – гибрида теологии и практик глобальных религий (пятидесятничества и католицизма) и духовной терапии. Модель «южной церкви», теологически опирающаяся на консервативные традиции времен раннего христианства, с одной стороны, играет функциональную роль в процессах модернизации развивающихся стран, а с другой – предлагает альтернативный либеральной западной культуре сценарий жизни. Раскрываемая в феномене «южного» христианства ценность принадлежности к религиозному сообществу как убежищу, предоставляющему ресурсы для выживания и улучшения жизни, показывает, что в значительной части современного мира религиозная институциональность остается сильной и привлекательной. «Южная» модель христианства является вызовом для западного христианского мира: ее глобальное распространение, глубокие культурные отличия наряду с возрастающими тенденциями распространения неконвертируемой «южной» системы мышления в страны Запада, создают условия для роста конкуренции и конфликтов как внутри христианства, так и в более широких социальных контекстах.

7. Социальное пространство религиозности меняется: нарастает сдвиг от понимания религии как варианта обязательства (институциональной религиозности) в сторону большего акцента на потребление или выбор за пределами преимущественно традиционных институтов – в направлении к множественным формам «фуззи» религиозности, которая диффузна, рефлексивна, изменчива и синкретична. Феномен «новой духовности», существенно выросший в последние десятилетия, представляет собой доминантное религиозное явление, которое «располагается» за пределами или на границе институциональной сферы; современная индивидуальная религиозность низко эмоциональна, поскольку не предполагает глубоких духовных поисков, а скорее похожа на «смену потребительских брендов» и обладает качеством высокой мобильности, так как может передаваться по всему миру от человеку к человеку, в том числе, посредством Интернета. Его современные роли глобального религиозного кибер-рынка и интерпретатора

религиозных смыслов высвечивают его два амбивалентных качества – агента религиозного плюрализма и проводника угроз для него.

8. Теория «религиозной экономики» задает продуктивный вектор анализа религиозного плюрализма и предоставляет методологически эффективный инструментарий для анализа поведения религиозных акторов в условиях разнообразия религиозных рынков. Концепции «религиозной экономики», «религиозных ниш» и «затрат» как методологическое основание анализа религиозного плюрализма формируют новое понимание природы множественности плюрализмов и вариативности практик религиозных акторов, роли культуры и социоструктурных изменений не только в ракурсе внешней по отношению к религиозной организации среды, но и внутренней, в том числе в отношении объяснения феноменов предельных «объемов» религии, устойчивости существования консервативных церквей в условиях роста разнообразия, понимания процесса самоограничения секуляризации.

9. Правовые и культурные ответы на вызовы религиозного разнообразия меняются от страны к стране. Однако религиозный рынок большинства стран мира находится во власти нескольких крупных религий, в то время как много маленьких религий заполняют различные ниши. Жизнеспособность религии и практики религиозных акторов все в большей степени зависят от рыночных сил – комплекса факторов, регулирующих плюрализм и влияющих на формирование уникальных «религиозных экономик», центральными из которых являются: государственные или институциональные регулирования, культурная инерция и социоструктурные трансформации. США представляют собой уникальный пример, демонстрирующий парадокс эволюции от свободного религиозного рынка к ограничению его развития: с течением времени сложилась евангелическо-католическая монополия, которая как стимулирует развитие плюрализма в рамках своих границ, так и стремится ограничить развитие разнообразия за ее пределами.

10. В условиях фрагментированности и индивидуализированности социума ключевой ценностью и предметом потребительского спроса на религиозных рынках становится принадлежность к сообществу (официально декларируемое или символичное), которое может быть или не быть организационно оформлено. В этих условиях «религиозное сообщество» выступает как агент продвижения определенной идеологии (в том числе гуманистических идей сохранения окружающей среды, борьбы с бедностью и проч.), фактор риска, гарант стабильности определенной системы ценностей и предоставления «компенсаторных» услуг обществу. Поэтому методологически концепт «религиозное сообщество» следует раскрывать через призму процесса, функций, расположения и набора отношений, а также

затрат/цены принадлежности и вознаграждений, получаемых от факта принадлежности.

11. Европейская религиозная ситуация не может восприниматься в качестве глобального прототипа секуляризации – это особый регион. Современная европейская модель религиозной плюрализации характеризуется: сдвигом от понимания религии как варианта обязательства в сторону большего акцента на потребление и личный выбор, но в параметрах исторического прошлого, что задает специфические траектории религиозных изменений в различных европейских странах, в том числе особые условия формирования религиозных рынков. Для подавляющей части жителей Европы традиционные церкви обеспечивают функцию «полезных» социальных институтов и продолжают оставаться важнейшим маркером идентичности и лояльности государству, что сохранит их устойчивость. Усложнение повседневных контекстов взаимодействия между группами с традиционными религиозными идентичностями и сформированными под влиянием процессов массовой иммиграции будут усиливать конфронтацию между ними и способствовать нарастанию тенденций деприватизации религии, что обеспечит поддержку публичной значимости традиционных религиозных институтов, в том числе со стороны политических элит.

12. Осуществлено переосмысление концепта «секуляризация»: во-первых, такие традиционные параметры секуляризации как структурная дифференциация, снижение уровней религиозной активности, утрата контроля традиционных религиозных институтов над индивидуальными формами веры, практиками и моральными принципами людей не свидетельствуют о закате религии как таковой; во-вторых, наряду с тем, что эффекты структурной дифференциации нелинейны (как в Европе и США), они все более связаны с текущим социальным контекстом (как в развивающихся и постсоциалистических странах); в-третьих, диспозиции по отношению к религии на индивидуальном и социетальном уровнях становятся все более разнообразными. Поэтому в качестве валидного индикатора современной секуляризации предложен параметр индивидуальной и социетальной компартиментализации, проявляющий степень мировоззренческой, практической на повседневном уровне и институциональной изолированности от религии, что позволяет доказать, что несмотря на явные индикаторы жизненной силы религии, рост ее публичной значимости, секуляризация является частью текущего цикла развития большинства стран мира и характеризует одну из траекторий современного религиозного плюрализма.

13. Многоконфессиональность России и реформы конца прошлого столетия способствовали формированию противоречивых процессов в религиозной сфере. Сформировался плюралистичный религиозный рынок – наряду с ростом количества традиционных организаций в поле конкуренции вошли новые для российской культуры конфессии и образования; значительно вырос уровень религиозной самоидентификации россиян, прежде всего ориентированной на православие. Однако на рубеже веков динамика религиозности достигла точки насыщения; число активно практикующих православных верующих контрастирует с другими религиозными группами и остается незначительным; общественное сознание остается светским и россияне не готовы рассматривать религиозную традицию как консолидирующую общество идею. На этом фоне религия, прежде всего православие, играет заметную роль в российской политике, а также в национальном возрождении и формировании идентичности. Это соотношение политического и социального в манифестации значимой роли и места религии в российском обществе, тем не менее, не отрицает того, что даже, если публичное пространство отчасти ресакрализовано, российское общество остается секулярным, наследие атеизма и секуляризма прошлого сохраняет свое влияние на мировоззрение и повседневный социальный мир россиян. Дальнейшая консолидация религиозных и политических элит как средства легитимации власти, будет усиливать обратный сакрализации и консолидации эффект – большую индивидуализацию религиозности, а также приводить к культурным противоречиям и конфликтам, протестным реакциям в ответ на стремление ограничить религиозный плюрализм.

14. Предложен методологический инструментарий измерения степени жизнеспособности религии, учитывающий критическое смещение его индикаторов, в том числе прочности религиозных организаций, на индивидуальный уровень. Феномен «нового» индивидуализма, проявляющийся в разнообразии, синкретизме и «перекрытиях» индивидуальной «принадлежности», позволил переосмыслить концепт «религиозность», исключив из него параметр «членства», который приобрел статус «зомби-категории» (У. Бек) в настоящее время и сохраняет востребованность в контексте обсуждения проблем разнообразия, но не показателей жизнеспособности религии.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора объемом более 30 п.л.

Проблематика диссертационного исследования в разных ракурсах апробировалась автором на протяжении 20 лет, в течение которых

происходила эволюция и верификация основных концептуальных идей, в том числе посредством собственных эмпирических исследований религиозной ситуации в регионах России, включающих анализ динамики религиозного мировоззрения россиян, распространения протестантизма в современном российском обществе. Ключевые идеи и методологические подходы были представлены в выступлениях на научных конференциях международного и всероссийского уровней, методологических семинарах, посвященных проблемам трансформаций феномена религии: научно-практической конференции «Социальная антропология на пороге XXI века (Москва, 1997); I Всероссийском социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (Санкт-Петербург, 2000); II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2004); 37 конгрессе Международного института социологии «Границы социологии» (Швеция, Стокгольм, 2005); IV Конвенте РАМИ «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях» (Москва, 2006); 8 Конференции Европейской социологической ассоциации «Конфликт, гражданство и гражданское общество» (Великобритания, Глазго, 2007); Первом международном Форуме социологов «Социологическое исследование и публичный дискурс» (Испания, Барселона, 2008); III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: пути взаимодействия» (Москва, 2008); 10 конференции Европейской социологической ассоциации «Социология во времена турбулентности» (Швейцария, Женева, 2011); IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» (Москва, 2012); IV Всероссийском очередном социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (Уфа, 2012); XI конференции Европейской социологической ассоциации «Кризис, критика и изменения» (Италия, Турин, 2013), VII Всероссийском конгрессе политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики» (Москва, 2015) и других. Ряд положений диссертации нашли отражение в докладах и обсуждениях актуальных проблем современной социологии религии в рамках научно-практического Семинара исследовательского комитета «Социология религии» РОС, руководителем которого является автор (семинар действует на регулярной основе с 2013 г.).

Идеи диссертационной работы апробированы в учебном курсе автора «Межконфессиональные коммуникации», читаемом для студентов, обучающихся по специальности «Социология» на отделении «Социология массовых коммуникаций» (МГИМО МИД России).

Структура диссертации подчинена достижению цели и реализации задач исследования, работа включает введение, четыре главы, заключение и библиографию, насчитывающую 392 источника.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, дана характеристика степени ее разработанности; определены объект и предмет исследования, цели и задачи; описаны методологические принципы, эмпирическая база, новизна и теоретико-практическая значимость исследования; представлен спектр направлений работы автора, в которых апробировались контекстуальное содержание и выводы диссертации; сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава I «Современный религиозный плюрализм: концептуальные рамки и предметное поле анализа» нацелена на обоснование методологической «оптики» познания современного религиозного плюрализма и выделение значимых для последующего анализа доминант.

В первом параграфе **«Концептуализация понятия “современный религиозный плюрализм”»** исследуется проблема влияния современных реалий на определение понятия «религиозный плюрализм» и обосновывается позиция автора, задающая аналитический фокус исследования и основание для определения концепта «современный религиозный плюрализм».

Выделены четыре мегатенденции, влияющие на качественное преобразование социальных и религиозных ландшафтов, отличительной особенностью которых является рост и трансформация религиозного разнообразия, что в совокупности преобразует поле сосуществования и взаимодействия религиозных акторов друг с другом и обществом – формирует качественно новое понимание «религиозного плюрализма». Во-первых, паттерны миграции сопровождаются распространением различных религиозных учений по странам мира, ростом религиозного разнообразия в пределах локальных территорий, что делает социальную и религиозную среду суперразнообразной, поскольку подавляющее число мигрантов является носителями определенной религиозной идентичности. Во-вторых, транснационализм открывает множество возможностей для формирования мозаичной системы религиозных ценностей и практик. В-третьих – средства массовой информации и Интернет. В-четвертых – религиозные инновации. Новый миграционный и космополитический опыт жизни в сочетании с развитием информационных и коммуникационных технологий производят духовные и общественные потребности и практические возможности, поощряющие развитие новых религий. Эти новые реалии продуцируют две

концептуальные проблемы. Во-первых, определения религии, что обусловлено размыванием опознаваемых границ религиозных акторов, что, в свою очередь, производит риски для их добросовестной конкуренции в пределах локальных территорий, усугубляемые государственной политикой в отношении религии, а также усложняет эмпирический анализ религиозного плюрализма. Данная проблема раскрывается с привлечением работ социологов М. Бауманн, П. Бейера, Ф. Йанга, Дж. Бекфорда, а также (в части проблемы определения религии) религиозных философов И.Н. Яблокова, Н. Смарта и Дж. Боукера. Обосновывается тезис о необходимости расширения границ понимания того, что может распознаваться как религия: в условиях, когда в современном мире созданы беспрецедентные возможности для обмена и религиозных инноваций представления о том, что может распознаваться и приниматься как религия уже не сводятся к лимитированным значениям священных смыслов как одной из влиятельных точек зрения. Поэтому религия должна определяться более широко, что позволит приблизить социологические исследования религиозного разнообразия к реалиям современного мира, а с практической точки зрения внести определенность в обозначение акторов религиозного плюрализма и, соответственно, объектов анализа религиозного разнообразия. Во-вторых, обосновывается потребность в переосмыслении трактовка смысла концепта «религиозный плюрализм». Раскрываются полярные точки зрения, которые в целом или отстаивают позитивно-нормативный подход к определению «религиозного плюрализма», основанный на традиционном его понимании как мирном сосуществовании в едином социальном пространстве различных религий (универсалистская концепция Дж. Хика, «партикуляристский религиозный плюрализм» М. Хайма, концепции «мирного» плюрализма Д. Эк, Т. Бенчюффа), или аргументируют его нерелевантность социальным реалиям (О. Риис, Дж. Бекфорд, Ж. Зибзиски, Т. Ливелл, М. Вульф). Автор проводит анализ паттернов «мирного» плюрализма и противоположных тенденций, разводит между собой понятия «плюрализм» и «толерантность», высвечивает роль диалога и «знания» в контексте достижения «мирного» плюрализма, исследует проблему неравенства и делает вывод, что в наиболее общей позитивно-нормативной формулировке концепт «религиозный плюрализм» высвечивает явные или неявные идеологические функции, находит подтверждение в узком спектре фактов. Религия не только становится все более заметной, но более конфликтной «территорией» как внутри общества, так и между обществами, а межконфессиональный диалог на самом деле никогда не открыт для всех потенциальных участников. Поэтому следует отделить эмпирическое разнообразие от нормативных

коннотаций «религиозного плюрализма», в качестве эмпирической основы для измерения и анализа современного религиозного плюрализма – его смыслового ядра, следует принять религиозное разнообразие.

Второй параграф **«Современный религиозный плюрализм через призму социологических теорий религии»** фокусируется на определении теоретико-методологических основ познания религиозного плюрализма.

Проводится анализ концепций плюрализма через призму трех основных направлений теоретических школ в социологии религии – функционализма, когнитивизма и критической теории. С точки зрения функционального подхода (Т. Парсонс), в современном обществе религиозный плюрализм означает систематическое дифференцирование на всех уровнях и основан на добровольном решении, приватизации религиозных практик, что, по его убеждению, необязательно приведет к секуляризации общества. На основе раскрытия значения пяти типовых переменных Т. Парсонса, позволяющих выявлять характер явных и латентных выборов акторов в контексте того, насколько их действия являются традиционными или современными, делается вывод, что религиозный плюрализм в условиях современного общества предрасположен к множественности как с точки зрения структурной сложности, так и наличия признаков «традиционного» и «современного». Идея плюрализма предполагает наличие опознаваемой структуры и дифференциацию ценностей – индивидуальных и коллективных. В рамках функционального подхода обосновывается, что с исторической точки зрения, расширение масштаба религиозной свободы и процессы отделения церкви от государства, обеспечивших основу современного религиозного плюрализма, во многом совпали с трансформациями социальной и политической систем стран Запада на рубеже XVIII века, и, как следствие, социальным переопределением религии. Автор раскрывает, каким образом дюркгеймовская трактовка религии отражает это новое социальное переопределение, а также объясняет причины становления различных моделей государственно-церковных отношений – множества плюрализмов. Показывается значение отделения понятия «религиозное общество» от «политического сообщества» и «этнической общности» для социологического измерения и анализа религиозного разнообразия. В рамках когнитивной школы (концепции П Бергера разных лет), делается акцент на *рисках* для всего религиозного комплекса, сопряженных с процессами плюрализации религии. Позиция ученого в 1960-х гг. заключается в том, что в современных условиях у религиозных конфессий есть две возможные стратегии ответа на рост плюрализма: либо они адаптируются к динамике религиозного рынка, либо

выйдут из него. Первая стратегия приводит к кризису религии, вторая – подрывает социальную базу церкви. Для взглядов Бергера 2000-х годов характерно: отказ от правил религиозного рынка означает опасность для религиозной жизнеспособности. С точки зрения критической школы, религиозный плюрализм характеризуется контрастирующими каналами легитимации и, следовательно, борьбой за доминирование в религиозной сфере. Религиозные организации могут иметь большее или меньшее влияние и ресурсы, будучи связаны либо с религиозным «большинством» или с «меньшинством». Анализируется позиция Дж. Бекфорда, поднимающего проблему неравенства, неизменно сопровождаемую религиозный плюрализм. Проводится анализ пересечения и расхождения позиций в представленных теоретизированиях и делается вывод, что социальное развитие балансирует между двумя противоположными силами: центробежным процессом социальной дифференциации и центростремительной объединяющей встречной силой ценностной генерализации.

Обосновывается актуальность применения теории «религиозной экономики», поскольку тематика религиозных рынков, и связанная с ней проблема жизнеспособности религии является одной из центральных в социологии религии в настоящее время. В этой связи теории секуляризации и «религиозной экономики» видятся не как конкурирующие между собой парадигмы, а взаимодополняющие. Автор также анализирует два фактора, влияющих на познание религиозного плюрализма. Первый связан с современным этапом «парадигмальной рефлексии» и расширением предметного поля социологии религии, что сказывается на исследовании религиозного плюрализма (включение в анализ проблематики религиозных рынков, новых ракурсов проблем секуляризации, связей религии и глобализации). Второй – это американо-, евро- и христоцентризм теоретического и эмпирического полей социологии религии. Приводятся эмпирические доказательства, объясняющие обусловленность данного фактора, задающего когнитивные и аналитические фреймы анализа динамики религиозных изменений, в том числе религиозного плюрализма.

Третий параграф **«Эмпирические контуры современного религиозного плюрализма: моделирование траектории анализа»** нацелен на определение и раскрытие структурных параметров религиозного разнообразия, в совокупности составляющих эмпирическую основу современного религиозного плюрализма. Тем самым диссертант реализует задачу определения концепта «современный религиозный плюрализм» и обозначения продуктивных объектно-предметных областей его исследования.

Дж. Бекфорд раскрывает религиозное разнообразие через ракурс трех аспектов религиозного плюрализма: (1) эмпирическое религиозное разнообразие традиций и индивидуальных практик; (2) рамки государственной политики, права и социальных практик; (3) социальные контексты повседневных взаимодействий между людьми и группами. П. Херст описывает крайний случай эмпирического религиозного разнообразия как «виртуальный процесс “Османизации”», в котором различные сообщества сосуществуют бок о бок с различными правилами и стандартами. Диссертант обосновывает, что все эти категории и феномены определенным образом связаны или непосредственно «располагаются» на конкретном уровне социальности. Поэтому определять религиозный плюрализм следует через раскрытие разнообразия на трех последовательных уровнях: индивидуальном (микро-уровне), организационном (мезо-уровне) и социетальном (макро-уровне). При этом обозначаются ключевые аспекты каждого из выделенных уровней и делаются акценты на наиболее актуальных предметных областях анализа. На индивидуальном уровне плюрализм представляет собой личностную систему ценностей, философию или образ жизни, которые в условиях современного общества разнообразны, но, также включает различные индивидуальные диспозиции относительно принятия «других» (религиозных традиций), что во многом детерминирует повседневные практики людей в различных жизненных ситуациях. В этой связи раскрывается сущность четырех типов индивидуальных диспозиций по отношению к другим религиям: эксклюзивность, инклюзивность, релятивность и плюралистичность, что подкрепляется результатами исследования Б. Смита, который на основе измерения индивидуальных диспозиций американцев выявил факторы, вызывающие религиозную инклюзивность и эксклюзивность – принятие или отклонение религиозных традиций в условиях плюралистичной среды США. Организационный уровень плюрализма проявляется в картографии разнообразия – количественных и качественных описаниях религиозных ландшафтов, практик религиозных организаций. Основываясь на концепции П. Бергера, автор акцентирует внимание на различиях между религиями в отношении их реакции на разнообразие – отклонения или сотрудничества с религиозным разнообразием, что задает соответствующую политику и определяет климат в контекстах взаимодействия. Так, религиозный плюрализм с участием нескольких универсалистских религий, каждая из которых претендует на исключительное право на истину, представляется нестабильным. Активные дебаты о соотношении сакрального и мирского, инакомыслии, имеющие место в исламском мире, восточном православии, представляют собой

особую проблему для либеральной демократии. На социетальном уровне религиозный плюрализм рассматривается через призму социальных конфигураций контакта с многократными религиями в пределах определенного общества, включающих в себя правовые, нормативные и культурные ответы на религиозное разнообразие, обеспечивающие различные условия для индивидуальной и организационной множественности. Приводятся примеры регулирования государственно-религиозных отношений и поднимается проблема о праве на свободу вероисповедания, которая тесно связывает между собой индивидуальный и социальный уровни плюрализма. Автор обосновывает, что выход за пределы локального сообщества на уровень глобальный внесет определенные, возможно, довольно существенные поправки в представления о процессах, сопровождаемых религиозное разнообразие, поскольку здесь устраняются регулятивные механизмы в виде государственной политики и права. Поэтому эмпирические «настройки» религиозного разнообразия различаются и в зависимости от ракурса анализа – локального или глобального. Отмечено, что реалии каждого уровня разнообразия могут не быть взаимосвязаны между собой.

Глава II «Современный религиозный плюрализм в глобальной перспективе» сфокусирована на теоретический и эмпирический анализ паттернов разнообразия и религиозных изменений, происходящих под влиянием процессов глобализации.

В первом параграфе **«Теоретические интерпретации связи глобализации и религии: множество траекторий современной религиозной плюрализации»** исследуется влияние глобализации на религию, а также преследуется цель раскрытия потенциала теоретических подходов, интерпретирующих связь религии и глобализации.

Оценки роли религии в траектории глобализации не едины, но, в то же время, религия непременно упоминается как параметр или как один из значимых составляющих исторического процесса глобализации. Исходной точкой для анализа, присущей каждому подходу, подчеркнутое Р. Робертсоном, является понимание того, что глобализация является многомерным и «мульти-центричным историческим развитием», в рамках которого религия занимает одну из центральных позиций. Согласно Т. Сордасу и П. Бейеру, изучение религии в координатах глобализации должно учитывать различия между проблемами – «глобализации религии», представляющей собой многомерный процесс, в котором религии, культуры, политика и экономика тесно переплетены и равноправны, и «религии и глобализации», предмет которой ограничивается изучением религиозных

реакций на экономические, социальные и политические процессы, создающие возможные риски для религии. При этом выделяется два аспекта религии, позволяющие ей «путешествовать» между этими проблемными зонами – портативные практики и взаимозаменяемые коммуникативные связи, а направление движения обеспечивают четыре средства – это миссионизация, миграция, мобильность и медиация – это интерсубъективные условия, в которых глобализация религии имеет место. Каждое из этих условий представляет собой механизм, способ глобального распространения и продвижения религиозных практик, которые вносят различный вклад в формирование паттернов, определяющих облик современного религиозного плюрализма: столкновение между местными религиями и «посягающими» на них глобальными экономическими и технологическими инновациями; коренными религиозными идентичностями и общей «духовностью»; потоками в мегаполисы и «реглобализацией» мировых религий. В работе высвечивается возросшая роль символических кодов принадлежности и коммуникационных сетей (Т. Сордас, М. Албоу, П. Бейер), являющихся инструментами распространения глобальных религиозных движений. П. Бейер поднимает вопрос о множественности траекторий плюрализации религии в условиях глобализации и утверждает, что в рамках глобализации в противоположность модернизации мира, доминирующим трендом является не секуляризация, а плюрализация, включение различных локализаций религии. В то же время, понятия «секуляризация», «дифференциация», «приватизация» религии не утрачивают смысл в контексте индустриальной модернизации. Ученый объясняет природу возобновления публичного влияния религии в условиях глобализации и падения уровня институциональной религиозности через призму рассмотрения религии как типа коммуникации. Общая идея Бейера относительно плюрализации религии сводится к тому, что одно и то же явление может осмысливаться с глобальной точки зрения, но адаптироваться к локальному. Он идентифицирует четыре сферы, в которых глокализация варьируется, или четыре уровня плюрализации религии. Р. Инглхарт, П. Норрис и У. Бейкер обосновывают, что религия лежит в основе того, что различные общества, становящиеся на путь глобализации, движутся в своем развитии по различным траекториям, даже если на них воздействуют схожие силы экономического развития. М. Алброу рассматривает глобализацию как период «Новой эры», для которой характерна диффузия рациональности, иррациональности и универсализма, причем иррациональность приобрела особое звучание, она тесно связана с религией из-за высокого эмоционального содержания многих современных религиозных групп,

особенно новых религиозных движений. Знаковой религиозной формой «Новой эры» являются глобалистские движения. Д. Леманн рассматривает религию как «оригинального глобализатора» и выводит два типажа глобальной религии: «вариант для бедных» и «вариант бедных». Б. Тернер делает акцент на приобретении религией принципиально новых качеств под влиянием глобализации: рост постинституциональной духовности, развитие всевозможных форм популярной религии и активизация ривайвельстской или фундаменталистской религии. Причем, религия выжила не столько как рефлексивная вера, сколько в форме культов здоровья и благополучия, предлагающих целый спектр услуг для удовлетворения многообразных посясторонних человеческих потребностей. Особый акцент делается на положениях, раскрывающих природу возросшей роли религии в современных конфликтах (П. Бейер, Д. Леманн, Дж. Бэкфорд, Б. Тернер).

Второй параграф **«Картография современного религиозного разнообразия в глокальной перспективе»** нацелен на диагностирование территориального, конфессионального разнообразия и его динамики.

Представлен анализ глобального распространения религий и их рельефного распределения на локальных и конфессиональных уровнях. С опорой на исследования Д. Барретта П. Браэрли и данные международных исследовательских служб автор диссертации показывает: фактически, в каждой стране и регионе, обнаруживается набор институционально оформленных религий или религиозных учений, принадлежность к которым большинство населения готовы декларировать (92 % населения мира идентифицирует себя с определенной религиозной традицией, а число атеистов в среднем не превышает 3%). Наиболее многочисленными и широко географически распространенными религиями являются христианство (33% населения мира), ислам (22,5%), индуизм (13,7%) и буддизм (6,7%). К концу XX столетия в мире оформилось около 10000 самостоятельных религий. Глобализированные религии фрагментированы и локальные религиозные ландшафты могут существенно отличаться от глобального, причем именно на этом уровне местные (аборигенные) религии становятся заметными и играют немалую роль в определении культурной уникальности, социального и политического климата государств. Представлено сопоставление локальных ландшафтов с глобальным в отношении мировых религий и подчеркнута их локальная специфичность. Согласно П. Бейеру, религиозные универсалии представляют собой абстракции, в то время как более определенные, социально эффективные религии предстают только как локализованные конкретности глобальных универсалий.

Эмпирически обосновано, что одной из характерных черт общества XXI века будет увеличение доли людей в мире, идентифицирующих себя с одной из двух мировых религий – христианством или исламом, а также разнонаправленные вектора их географического распространения. Сформировалась долгосрочная тенденция постепенной «потери» христианской религией своей «рыночной» доли за счет роста и влияния ислама и индуизма. Специфика демографического воспроизводства и конфессиональные практики (С. Хантингтон), политика обращения, основанная на идеологии долгосрочного противостояния Западу (Б. Тернер), а также паттерны миграции обеспечивают объективные преимущества исламу в отношении темпов роста в сравнении с христианством. Согласно прогнозам, к 2025 году доля христиан в мире снизится до 25 %, а мусульман возрастет до 30%, а мусульманское население Европы вырастет с 44,1 млн в 2010 году до 58,2 млн к 2030 году. Выделена тенденция динамичной переконфигурации христианского мира, связанная с ростом на глобальном Юге независимой ветви христианства: преувеличив к настоящему времени количество протестантов, они переместились на второе место и уступают только католикам. Б. Тернер характеризует данный феномен как активизацию, развитие ривайвелистской религии, являющейся одним из свидетельств жизненной силы религии за пределами Западной Европы и Северной Америки. Эмпирически обоснована динамика перемещения центра тяжести христианской популяции в Южное полушарие. Если в начале прошлого столетия доля «северных» христиан составляла 81%, то к 2010 году она сократилась до 40%. Согласно прогнозам, к 2025 году 50% христианского населения будет проживать в Латинской Америке, Африке, а еще 17% – в Азии. Диссертант подчеркивает значение обозначенных тенденций в социальных проекциях, раскрываемое спецификой конфессиональных парадигм «южного» христианства и ислама и соответствующих глобальных интенций, часто сопряженных с проявлениями фундаментализма.

Третий параграф **«Феномен «южного» христианства как фактор трансформации глобального христианского мира»** посвящен раскрытию сущностных черт «южного» христианства и оценке его влияния на христианский мир.

Раскрывается историческая траектория образования «южной» модели христианства в странах третьего мира, идеология и практики церквей. Это – вариант религии «бедных» (Д. Леманн), парадигма «спасающей веры», которой сформировалась под воздействием сил глобализации на основе деятельности пятидесятнических и католических миссионеров. Показано, что

глубокие качественные отличия «южного» христианства от христианства Запада, количественный перевес и тренды роста дают повод ученым именовать феномен как «следующее христианство». Д. Мартин, П. Бергер, М. Борг, Ф. Дженкинс, П. Фристан, Д. Леманн придают большое значение преобразующей роли «южного» христианства, соизмеряя ее современную функцию с ролью, которую сыграл ранний протестантизм в развитии западной цивилизации, что существенно отличает его от большинства христианских церквей Запада и объясняет бурное развитие в Латинской Америке, Африке и Азии. Причем их современное процветание в условиях модернизационных процессов стран третьего мира С. Хантингтон называет «побочным продуктом урбанизации». Важна возможность этих церквей предоставлять убежище, в смысле обучения и практики (защиты от превратностей жизни). Активное членство в этих церквях приносит ощутимые выгоды для людей, чем жизнь вне ее общины. Г. Дэйви называет их «промежуточными станциями на пути вверх по социоэкономической лестнице». Е. Бруско доказывает их роль в сохранении института семьи. В развивающихся странах, где альтернативные средства социального обеспечения редки и недоступны, эти комбинации доказали свою эффективность и обусловили стремительный рост. Вместе с тем, консерватизм создает условия для зарождения и распространения религиозного фундаментализма. Диссертант рассматривает «южное» христианство как фактор культурного конфликта и обосновывает, что его распространение в страны Запада является реальным вызовом для западного христианского мира, поскольку стремится ре-евангелизировать евро-американский мир, а разногласия между «южным» и «западным» христианством создают препятствия для наиболее крупных конгрегаций Запада, стремящихся к глобальной идентичности. Ф. Дженкинс полагает, что бурные конфликты внутри христианства, вызванные противоречиями между двумя ветвями, оставят более глубокий след, чем конфликты между христианством и исламом. Обосновывается, что обозначенные тенденции оказывают влияние на институт католической церкви и его руководство.

В четвертом параграфе **«Современные формы религиозности»** исследуются тенденции трансформации религиозности и образования ее новых форм.

С опорой на исследования Т. Лукмана, Д. Поллака, Л. Халмэна и О. Рииса, П. Хииласа в диссертации доказывается, что институциональная религиозность, снижаясь, уступает место внеинституциональной религиозности, которая растет и приобретает множественные формы. В частности, Д. Поллак проследил на примере ряда европейских стран, как

менялся уровень посещения церквей в течение последних 30-ти лет прошлого столетия. В период с 1975-го по 1998 годы доля верующих, регулярно посещающих церкви, снизилась почти в два раза – в среднем с 39,5% до 21%. Вместе с тем, разрывая постоянные связи с традиционными церквями, европейцы не перестают демонстрировать довольно высокий уровень религиозной самоидентификации. Диссертант вводит понятие «фуззи» религиозности как наиболее релевантную характеристику современной внецерковности. Она репрезентирует довольно обширную и качественно неоднородную зону. Данный термин довольно точно характеризует неопределенность, диффузность, синкретичность, текучесть религиозного сознания человека, живущего в современном мире, где секулярное переплетается с сакральным, вера – с неверием, а в мозаичной вере (бриколаже) традиция сосуществует с новыми формами религиозности. Приводятся количественные оценки масштаба «фуззи» зоны на примере ряда стран Европы, России и США, а также представлена интерпретация феномена через призму теорий «заместительной религии» Г. Дэйви и «коллективной памяти» Д. Эрвье-Лежер. «Фуззи» пространство качественно неоднородно. Широкое распространение духовных практик, новых религиозных движений «Новый век» (New Age) позволяет утверждать, что западная часть мира не перемещается по направлению к секуляризации, а переживает «духовную» революцию (П. Хиилас). Термин «духовность» появился в последние десятилетия, чтобы определять доминантное и, в то же время, неотъемлемо множественное и чрезвычайно индивидуализированное современное религиозное явление, которое выходит за или находится на границе институционализированных религий. По определению Б. Тернера, «новая духовность» представляет собой гетеродоксальные, урбанизированные, коммерциализированные формы религиозности, обычно существующие за пределами традиционных церквей. Идея «духовности» обеспечила динамичный подъем ряда институционализированных религий. Наиболее динамично развиваются сегодня те традиционные религии, где идеи персональной харизмы и духовной силы заложены в их «Символы веры». Анализируя данный феномен на примере США, Д. Миллер предложил «новую парадигму церкви» – сочетание философии и технологий движения «Новый век» и организационных традиций евангельских церквей США создало условия для образования так называемых «мега-церквей», «постденоминационных церквей» и даже «постмодерн традиционалистских». С опорой на исследования М. Колодзески, С. Кэйли, Б. Тернера, а также анализ информационной стратегии Ватикана показано влияние Интернета на коммерциализацию религии, создание глобального религиозного кибер-

рынка. Конкуренция в кибер-пространстве оказывает давление на традиционные религии, склоняя их к децентрализации, большей демократизации своих организаций. Интернет признается традиционными религиозными институтами как эффективный ресурс коммуникации с обществом, поддержания и распространения влияния. Принципиально новым явлением является образование новых видов религиозных кибер-сообществ и кибер-религиозности. Делается акцент на перенос ведущей роли интерпретатора священных смыслов в среду Интернет, что оказывает непосредственное влияние на формирование мозаичного религиозного мировоззрения и, в то же время, несет в себе риски для религиозного плюрализма, поскольку предоставляет информационную среду для распространения фундаменталистских религиозных идей, угроз, а также различного рода фальсификаций и призывов, наносящих вред благополучию наций и мирному сосуществованию социальных групп и обществ. В связи с тенденциями к смене координат социального пространства религиозности и ее современными качествами автор обозначает проблему валидности параметров «членства» и «посещаемости» в измерении религиозной принадлежности и жизнеспособности религии.

В Главе III «Теория «религиозной экономики»: инновационный подход к анализу современного религиозного плюрализма» раскрыты новые ракурсы интерпретации контекстов религиозного плюрализма и динамики религиозных изменений.

В первом параграфе **«Смена эпистемологических координат исследования плюрализации религии»** сделан акцент на вкладе теории «религиозной экономики» в обновление и плюрализацию научного дискурса религии в последнем десятилетии XX века, преодоление «монополии» парадигмы секуляризации в социологии религии.

Теория «религиозной экономики» (Р. Финке, Р. Старк, У. Бейнбридж и Л. Ианнаконе) повлияла на преодоление методологического тупика в социологии религии, достигшего своего пика в конце XX столетия. Раскрыто влияние социальных и научных контекстов на выстраивание новых принципов и логики анализа религиозной среды. Импульсом к созданию теории послужила необходимость объяснить причины «исключительности» США, где религия продолжала играть заметную роль в отличие от европейских стран, что не укладывалось в рамки интерпретаций, предлагаемых парадигмой секуляризации. Новому ракурсу способствовали и особенности социального контекста США, где обеспечены условия для активного вхождения высокоорганизованных религиозных институтов в рыночные отношения, свободно функционирующей конкуренции на

религиозном рынке огромного числа деноминаций. Интеллектуальной базой «новой» парадигмы стали достижения в области социально-научного теоретизирования второй половины прошлого столетия: теорий социального обмена Д. Хоманса и П. Блау, «новой бытовой экономики» американского экономиста Г. Беккера и теории рационального выбора Д. Коулмана. Раскрыты положения этих теорий применительно к анализу религиозного поля – понимания природы поведения религиозных акторов в условиях разнообразия религиозных рынков и роли в этих процессах «человеческого капитала». В совокупности отмеченные факторы способствовали тому, чтобы авторы нового подхода взглянули на предмет своего анализа через новую призму – функционирования рынков и экономического поведения (рационального выбора, спроса и предложения), что кардинальным образом отличает ее от всех ранее существовавших теорий религии. Также раскрываются аргументы и доказательства, опровергающие положения парадигмы секуляризации, на основе которых выстроены логика и базовые положения теории «религиозной экономики»: во-первых, рассмотрение секуляризации как долгосрочного и линейного процесса, который должен был развиваться в соответствии с траекторией модернизации; во-вторых, интерпретации секуляристами религиозного плюрализма и рационализации как разрушительных для религии эффектов модернизации; в-третьих, утверждений, что продолжающаяся секуляризация должна наблюдаться на нескольких уровнях – от индивидуального сознания (что должно отразиться на снижении степени выживания локальных религиозных общин и церквей) до институционального (что должно проявиться в ослаблении авторитета и силы религии в обществе). Согласно позиции авторов теории, они не предлагают заменить прогноз об «умирании» религии на не менее невероятный прогноз о ее неизбежном расцвете и восхождении. Вместо этого, новая теория и ее развитие предлагает модель анализа, которая позволяет объяснить религиозное разнообразие через призму спроса и предложения, функционирования религиозных акторов на религиозных рынках. В отличие от парадигмы секуляризации, теория «религиозной экономики» рассматривает религию не как исчезающий феномен в современных обществах, а явление, переживающее периоды приливов и отливов в долгосрочной перспективе без исключения во всех обществах: неожиданные изменения, происходящие в религиозных экономиках, предполагают рост и падение религиозных фирм, но не взлет и падение религии *per se* (Р. Финке).

Во втором параграфе «Новая парадигма интерпретации паттернов современного религиозного плюрализма» раскрыты принципы

функционирования религиозных рынков, а также методологически значимые основы его анализа. Раскрываются следующие методологические положения: (1) религиозные решения – рациональны, инструментальны и глубоко осмысленны, религия является прямым проявлением универсальных потребностей человека; (2) плюрализм увеличивает число вероятных структур, конкурирующих друг с другом, что является стимулом для религиозного роста, причем религиозная приверженность выше в городских районах, чем в сельских, что в значительной степени объясняется большей доступностью различных «религиозных функций» в городе; (3) чем в меньшей степени регулируется рынок, тем в большей степени будет процветать плюрализм, в условиях религиозной свободы религиозный плюрализм как правило «тонизирует» жизнь религиозных организаций, которые, в свою очередь, стараются быть более привлекательными для индивидов; (4) в обществах истоки религии меняются постоянно, но объем религии является константной величиной, зависимой от социоструктурных параметров. Динамика религиозного плюрализма зависит от изменений этих параметров. Ученые вводят важный с методологической точки зрения фактор, который следует учитывать и уметь анализировать – это затраты, необходимые для создания новой организации в определенной среде, которые могут сдерживать или нет развитие религиозного плюрализма. Ядро «новой» парадигмы также составляют концепция «компенсаторов»; процессуальная модель образования сект, раскрывающая тенденцию секуляризации к самоограничению; постулат «о консервативных церквях». В рамках последнего исследуется связь между затратами/ценой, «вознаграждением» и степенью консервативности сообщества, что позволяет понять причины сохранения и распада традиционных институтов в западных обществах и образования «свободных членов» (фрирайдеров). Ученые приходят к выводу, что консервативные церкви являются более устойчивыми и успешными институтами. Эта тема в совокупности с ранее рассмотренными глокальными паттернами плюрализма позволяет автору диссертации сформулировать позицию относительно трактовки концепта «религиозное сообщество». Раскрывается методологическое значение концепта «религиозная экономика» (Р. Финке, Р. Старк) – особой подсистемы, включающей все виды религиозной активности (практики), имеющие место во всех обществах, в том числе рынок существующих и потенциальных сторонников религии, набор организаций, стремящихся привлечь или сохранить сторонников, а также религиозную культуру, предлагаемую организацией. На этой основе и анализе поведения акторов на рынках выведена концепция «религиозных ниш» (Р. Финке и К. Шайтл),

интерпретирующая связи между тремя видами плюрализма (потребителей, поставщиков, плюрализма ресурсов – религиозных предпочтений и численности населения): многообразие религиозных групп, т.е. представленных на рынке конфессий, непосредственно связано с распределением религиозных «ниш», количество которых, в свою очередь, зависит от степени разброса религиозных предпочтений. В целом это позволило выстроить «методологическую дорожную карту» теории «религиозной экономики», которая объединяет в себе набор базовых переменных религиозного рынка, обозначает ведущую роль религиозной культуры и указывает направление связей между ними.

В третьем параграфе **«Факторы регулирования контекстов религиозного плюрализма: анализ современных трендов»** систематизированы факторы, определяющие разнообразие контекстов религиозного плюрализма, и выявлены среди них доминантные тенденции.

Выделена следующая группа факторов. Во-первых, правительства или другие институциональные ограничения, создающие определенные разрывы между спросом и предложением, что сказывается на активности религиозных акторов, характере религиозного разнообразия. Р. Финке и К. Шайтл приводят многочисленные исторические примеры, когда в результате снятия правительственных ограничений наблюдался резкий всплеск количества религиозных групп (спектра деноминаций). Автор диссертации выделяет четыре степени государственного регулирования религии, существующие в мире: (1) полный запрет (в истории данный тип существовал в Китае и Албании); (2) религиозная монополия, когда только одна религия допускается государством; (3) олигополия, когда государство поддерживает практику нескольких выбранных религий; (4) плюралистичный тип государственно-религиозных отношений – отсутствие преференций для конкретных религий, все рассматриваются как равные. Когда власть государства используется, чтобы поддержать одну или несколько религий, это неизбежно приводит к политическим ограничениям и преследованиям последователей других религий, религиозным конфликтам. В монополии и олигополии, религиозные организации конкурируют не только за последователей, но и за поддержку со стороны государственной власти. Причем политические силы также конкурируют, чтобы управлять государственной религией или религиями для того, чтобы контролировать государственную власть. Плюралистичный тип является идеалом, поскольку даже если государство полностью выходит из конкуренции между религиями, как орган, ответственный за общественный порядок, на практике регулирует пути и средства религиозной конкуренции. Исследования

показывают, что из 196 стран мира в настоящее время, около 20% – плюралистические, 22% – монополистические, а большинство являются олигополистическими. Во-вторых, имеет значение фактор затрат на запуск новых религиозных организаций, которые нелинейны и зависят от степени регулирования религиозной экономики – то уменьшаются, в результате отмены регулирования или снижения степени давления/принуждения со стороны государства «от имени монопольной фирмы», то увеличиваются снова, поскольку развитый плюрализм производит переполненный рынок эффективных и успешных фирм. В-третьих, культурная инерция (традиция) может задержать принятие новых фирм как нормальное и законное явление. Роль данного фактора раскрывается на примере образования новых религиозных групп в странах Западной Европы и России, одним из проявлений которого являются общественные протесты – социальные ограничения. В конструктивном плане культурная инерция проявляется во времени, необходимом для вхождения и распространения новых групп, развития социальных связей между миссионерами и местными жителями. В-четвертых, может иметь место значительные трансформации в численности и составе населения, вызванные иммиграцией, миграцией, общим ростом населения. В заключении автор с опорой на выводы Р. Финке и Р. Старка исследует вопрос о влиянии монополизации религиозных экономик на религиозное разнообразие.

Четвертый параграф **«Тенденции и парадоксы религиозного рынка в США»** нацелен на выявление знаковых черт американского религиозного плюрализма. Отдельно рассмотрен вопрос о влиянии специфики религиозной ситуации в США на процессы иммиграции и адаптацию иммигрантов. Актуализирует этот вопрос рост современных миграционных потоков, а также контрастирующие между собой ситуации в США и Западной Европе, проявляющиеся в принципиально различных эффектах влияния религиозной идентичности иммигрантов на процессы их адаптации, интеграции и связанные с ними социальные риски.

Представлены эволюция оценок американской «исключительности» в западной социологии религии, а также анализ разнообразия религиозного рынка в США. Показано, что одним из существенных признаков, заметно отличающих Соединенные Штаты от других западных государств, является не только довольно высокий уровень религиозности населения, но и то, что евангелическо-католическая идеология, благодаря ее глубокому проникновению в индивидуальное сознание и социальные практики американцев обеспечивает фарватер успешной социализации в американском обществе. Причем американцы имеют тенденцию преувеличивать свою

религиозность, в отличие от противоположной тенденции европейцев (Х. Казанова и А. Золберг). Довольно «благополучное» существование в обществе (особенно в малых городках) обеспечивается посредством синхронизации собственных представлений о религиозности с преобладающими американскими нормами в этой области, где основной акцент ставится на соблюдении религиозных обрядов и социальной активности в рамках определенного религиозного сообщества. Высокая роль религии приводит к «экономической реакции» (Дж. Грибоски). Ведущим фактором, обеспечившим высокий статус религии и образование мультирелигиозной нации в США, является политика отделения церкви от государства, способствовавшая свободному развитию религиозного рынка. Диссертант раскрывает его природу, приобретенные парадоксальные признаки, а также амбивалентные социальные роли. Сегодня в США сталкиваются две парадигмы. Согласно одной, сторонниками которой являются христианские фундаменталисты, Америка основана в первую очередь на религиозных и культурных ценностях христианства и иудаизма, что необходимо поддерживать. Другая – выступает за плюралистическое общество, уважающее разнообразие. Ее критики видят в ней угрозу для сохранения целостности уже существующих этнических идентичностей. Парадокс американского случая заключается в том, что в условиях свободного религиозного рынка, с течением времени сложилась ситуация регулируемого плюрализма. Развитие разнообразия деноминаций и организаций в значительной степени ограничено рамками христианской религии, которая является мощным монополистом. С одной стороны, она способствует поддержанию сакрализации общества на высоком уровне и допускает плюрализацию только лишь в рамках своих границ, но с другой – является главным фактором регулирования религиозного рынка США и ограничивает свободное развитие и функционирование других религий. Причем довольно низкий уровень религиозной терпимости американского населения к «некоренным» религиям, поддерживает эту тенденцию. Иммиграция меняет религиозный ландшафт США, однако иудео-христианская монополия обеспечивает селективную иммиграцию и нивелирует возможные общественные риски, связанные с адаптацией и интеграцией иммигрантов, что с учетом современных глобальных трендов в данной области весьма немаловажно.

Глава IV «Усложнение дискурса секуляризации на рубеже веков» нацелена на исследование религиозной ситуации в христианских странах западного мира, являвшихся «универсальным эталоном» для теорий секуляризации, а также анализ современного научного дискурса,

раскрывающего сложные связи между религиозным плюрализмом и жизнеспособностью религии, в стремлении понять, возможно ли отождествлять возросшую роль религии в публичном пространстве с «десекуляризацией» современного мира.

В первом параграфе **«Теоретические рефлексии современной европейской “исключительности”»** рассматриваются и сопоставляются теоретические интерпретации процессов трансформации европейской религиозной среды, а также анализируются эмпирические факты, проявляющие сложность траекторий роста религиозного разнообразия.

Р. Старк, Л. Ианнаконе предлагают анализ европейского случая в исторической перспективе через призму теории «религиозной экономики» и делают ряд значимых выводов. Согласно одному из них, в Европе на протяжении длительного периода развиваются процессы не секуляризации, а десакрализации, и низкие уровни религиозного участия, сопровождающие десакрализацию, закономерны, но они временны, и должно пройти определенное время между началом десакрализации и повышением энергичного религиозного плюрализма. Сложность религиозного феномена на европейском континенте раскрывается в сохраняющемся уважении к религиозной традиции – высоком уровне латентной религиозности (Э. Грили) наряду с низким уровнем индивидуальной религиозной практики; разнообразии траекторий развития процессов секуляризации и deseкуляризации в странах Западной и Восточной Европы; сосуществовании тенденций приватизации и деприватизации (Г. Дейви). Формирующаяся в Европе модель религиозности не только совместима с исторической европейской моделью государственно-церковных отношений и монополярной традицией, но и в немалой мере зависит от нее. Реальным наследием исторического прошлого (государственного характера церковной системы) является то, что европейцы воспринимают свои церкви не как конкурирующие между собой фирмы-предприятия, но скорее как полезные социальные институты (Г. Дейви). Относительная секулярность в Европе сосуществует со свободой религиозного выбора (П. Бергер), который укрепляет свои позиции, невзирая на положение того или иного института в рамках системы, а религиозное мировоззрение мутит, что в более долгосрочной перспективе будет иметь серьезное воздействие на природу европейской религии и общество в целом. Под влиянием глобальных процессов Европа постепенно приобретает универсальные признаки современной религиозности, таким образом, постепенно «избавляется» от своей исключительности.

Во втором параграфе **«Ревизии парадигмы секуляризации: развитие и обогащение методологического инструментария»** показано, каким образом теоретические инновации в социологии религии и современные реалии повлияли на «перегруппировку» секуляристов в конце XX – начале XXI столетия – существенную ревизию прежних взглядов, дополнение прежних теорий новыми интерпретациями, а также отстаивание валидности традиционных концепций секуляризации.

Д. Мартин обосновывает несостоятельность жестких подходов к оценке секуляризации, а также тесную связь между религией и политическим процессом и значимость исторической перспективы, социального контекста в формировании различных религиозных сред. П. Бергер, утверждая, что имеет место возрождение, новый всплеск религии, увидел в современном феномене как продолжение определенных процессов прошлого, так и новые признаки, проявляющиеся, прежде всего, в плюрализации религии и развитии религиозных рынков. Вместе с тем, ученый указывает на наличие двух «исключений» в целом к тезису десекуляризации – институциональной локализации религии и глобализированной элитарной субкультуры, секулярной по своей природе. С. Брюс отстаивает позицию секуляриста и акцентирует внимания на двух главных факторах, заложивших основы развития процессов секуляризации – это становление либеральной демократии и протестантская Реформация, обеспечившая подъем индивидуализма и рационализма. Ученый поднимает актуальный вопрос о роли габитуса в формировании религиозной идентичности и мировоззрения, ни спрос, ни предложение не подчиняются правилам рынка – они подвержены разного рода культурным воздействиям. К. Доббелар заостряет внимание на проблеме усложнения смыслов, вкладываемых в концепт «секуляризации», его многомерность, и обосновывает, что ключ к пониманию степени секулярности общества и индивида находится на уровне индивидуальной секуляризации, который измеряется степенью компартиментализации. Причем уточнение смыслов секуляризации на уровне индивидуальном будет способствовать прояснению смыслов секуляризации на всех других уровнях – всей смысловой системы концепта «секуляризации». Диссертант подчеркивает значение вклада Доббелара в интерпретацию конкуренции на современных религиозных рынках, общественных реакций на определенные законодательные решения и других социальных проявлений, непосредственно затрагивающих религиозные тематики, в основе которых заложены, прежде всего, противоречия между смысловыми системами – религиозными, околорелигиозными и антирелигиозными. В глобальной перспективе конкуренция «смысловых

систем» проявляется в растущем противостоянии между Севером и Югом, артикуляции религиозных приоритетов. Линия противостояния проходит между многочисленным ортодоксальным Югом и в значительной степени более секулярным Севером, а также между глобальными религиями и существует внутри церквей. Диссертант исследует проблему отсутствия прямой связи между дифференциацией и уровнем активности, а также валидности индикаторов, свидетельствующих о секуляризации. Делается вывод, что широкие обобщения и упрощения в определении концепта «секуляризации» искажают реалии, и наиболее валидным индикатором современной секуляризации может служить степень индивидуальной и социетальной компартиментализации – мировоззренческой, практической на повседневном уровне и институциональной изолированности от религии. Оознаваемые признаки компартиментализации обнаруживаются в разных странах, в частности, проявляющиеся на государственном уровне в легализации однополых браков, эвтаназии, устранении религиозных предметов и символов из системы образования и проч., а на индивидуальном – заметны обратные тенденции, проявляющиеся, в частности, в широком спектре использования услуг и ресурсов, предоставляемых религиозными организациями.

В третьем параграфе **«Усложнение траекторий религиозной динамики в современной России»** показано влияние социальных, экономических и политических трансформаций на плюрализацию религиозной среды в России, а также исследован вопрос о степени секулярности российского общества.

Стремление широких слоев населения, с одной стороны, определить для себя новые ценностные приоритеты, а с другой, компенсировать с помощью религии (а также магии, предсказаниях будущего) стрессы, страхи и неуверенность, вызванные реформами и кризисом, проявилось в беспрецедентном росте уровня религиозности в стране в последнем десятилетии XX века, причем на рубеже веков уровень религиозности стабилизировался. На основе привлечения значительного массива эмпирических данных в диссертации доказывается, что религия занимает заметное место в современном российском обществе, сформировался довольно плюралистичный религиозный рынок. Однако высокий уровень религиозной самоидентификации (в основном православной) не эквивалентен столь же высокой значимости религии для россиян, мировоззрение подавляющей части населения осталось в большей части светским, и высокие уровни религиозности являются скорее свидетельством возросшей востребованности «заместительной» функции

религии и церкви. Этот вывод делается не только на основе данных исследований разных лет, показывающих, что социальная база наиболее крупной православной религии довольно ограничена и составляет всего 11-14%, но и сопоставлении результатов мониторингов мнения населения России по ряду социально значимых вопросов, косвенно затрагивающих религиозную тематику. В то же время, религия играет полезную роль в российской политике, и религиозный фактор в России включен в процесс формирования национальной и культурной идентичности. Декларирование принадлежности к определенной конфессии (религии) является способом публичной демонстрации и установления связи между культурной и национальной идентичностями. Кризис идентичности в России, имевший место в начале 1990-х годов, был преодолен, по крайней мере, уже к 1998 году, когда сформировалась устойчивая тенденция превалирования культурной религиозности над долей верящих в Бога россиян. Диссертант анализирует контрастирующие между собой ситуации в группе религиозных меньшинств (на примере протестантских конфессий) и доминирующей православной религии, а также факторы, влияющие на формирование и поддержание амбивалентных процессов в сфере религии в России, прежде всего, высокой степени секулярности российского общества. Среди них: не готовность религиозных лидеров к проведению внутренних преобразований в церкви, а также отсутствие адекватных времени моделей коммуникации с верующими (РПЦ как доминирующая религия демонстрирует сегодня хрестоматийный пример «вялой» монополии). Предлагаемая модель коммуникации не учитывает, что религиозность современного российского населения формируется в условиях практически отсутствующих навыков религиозной жизни (в отличие, например, от Европы), религиозных свобод и растущего разнообразия.

В четвертом параграфе **«Анализ методологических вызовов оценки жизнеспособности религии: опыт моделирования исследовательской стратегии»** обоснована позиция автора относительно операционализации концепта «религиозность» и раскрыт потенциал модели исследования жизнеспособности религии, разработанной группой западных социологов.

Показано, что тема анализа влияния религиозного разнообразия на жизнеспособность религии является одной из центральных в рамках современной социологии религии, ее рассмотрение разворачивается в двух пересекающихся плоскостях – теоретической и методологической, и поднимает ряд актуальных на сегодняшний день вопросов, прежде всего, проблематизации измерения жизнеспособности религии. Системный анализ причин, имеющих место проблем представлены М. Чавесом, Ф. Горским, Д.

Воасом, Д. Олсоном, А. Крокеттом, К. Добелларом, Х. Казановой. Автор диссертации обосновывает, что центральной проблемой, является то, что современные реалии бросают вызов определению концепта «религиозность», его пониманию и, по сути, всем «классическим» подходам к его измерению. Так, выводы относительно изменений социального пространства религиозности и перемещения понимания степени секулярности общества в область индивидуальной мировоззренческой и практической изолированности от религии, требует пересмотра вопроса о членстве, принадлежности к определенной организации/конфессии как базового показателя религиозности. Вопрос «членства» является важной составляющей концепта «разнообразия», но не жизнеспособности религии: (1) членство проявляется в различных формах в зависимости от специфики той или иной конфессии; (2) высокие проявления религиозной самоидентификации не являются в то же время свидетельством активной практики, чаще всего практики связаны с культурной традицией; (3) имеют место «перекрывания» индивидуальной «принадлежности» одновременно к двум и более религиозным организациям, что вызывает трудности эмпирического измерения и анализа. «Членство» стало довольно проблематичным понятием, «зомби категорией» (У. Бек) в настоящее время, что поднимает методологические вопросы о том, каким образом учесть эту реальность при оценке жизнеспособности религии и прочности религиозных организаций. Диссертант предлагает к рассмотрению одно из методологических решений последних лет, разработанное группой западных социологов религии: С. Хубером (Швейцария), К. Китола (Финляндия) и Р. Траунмюллером (Германия). Оно представляет собой теоретически обоснованный набор стратегий измерения и анализа связей между религиозным разнообразием и жизнеспособностью религии. Проводится системный анализ методологии, а также приводятся результаты ее апробации в рамках исследования 43-х регионов Финляндии, Германии и Словении. Методология С. Хубера и его коллег предлагает несколько принципиально новых решений. Во-первых, религиозное разнообразие анализируется на основе измерения двух автономных переменных: (1) экологических данных о религиозных организациях – индекса разнообразия организаций и (2) данных о членстве в этих организациях – индекса разнообразия членства. Показатель аффилированности к религиозным традициям/организациям (объем и спектр причастности) становится одной из характеристик разнообразия религиозной среды, а не индивидуальной религиозности. Во-вторых, религиозность концептуализируется как показатель степени воздействия религии на ментальные, мотивационные и поведенческие характеристики индивидов и

на практике рассчитывается на основе анализа соответствия индивидуальных самооценок «Шкале центральной религиозной тенденции» Стефана и Одило Хуберов. Данный подход ставит знак равенства между понятиями «религиозность» и «жизненная сила религии». Таким образом, религиозность и религиозное разнообразие не только арифметически не зависят друг от друга, но и измеряются на разных уровнях агрегирования – в то время, как религиозное разнообразие (религиозных организаций и членства) рассчитывается на уровне организационной среды, религиозность оценивается на уровне физических лиц, что, позволяет, избавиться от противоречивых интерпретаций социальных эффектов секуляризации и вносит ясность в понимание реального присутствия религии в жизни различных обществ. В диссертации приводятся результаты апробации методологии С. Хубера и его коллег, делаются выводы, проясняющие существенные связи между религиозным разнообразием и жизненной силой религии (уровнем религиозности). Одним из значимых результатов обобщения данных исследования является вывод: секулярный эффект, индуцированный разнообразием религиозной среды, имеет различные степени интенсивности в разных подгруппах населения. Наиболее интенсивно реагирует на религиозное разнообразие подгруппа «религиозных меньшинств». Если секуляризация или сильное воздействие религии на мировоззрение людей имеет место, то только в определенных структурных параметрах среды.

В заключении изложены основные выводы выполненного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

Монография:

1. *Каргина И.Г.* Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО–Университет, 2014. – 16,28 п.л.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ

1. *Каргина И.Г.* О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования, 1998. № 6. С. 111-118. – 0,7 п.л.
2. *Каргина И.Г.* Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования, 2004. № 1. С. 45-53. – 0,75 п.л.
3. *Каргина И.Г., Н.Н. Зарубина.* III Всероссийский социологический конгресс "Социология и общество: пути взаимодействия" // Вестник МГИМО-Университета, 2008. № 3. С. 96-101. – 0,6 п.л.

4. *Каргина И.Г.* «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2009. № 4. С. 89-96. – 0,75 п.л.
5. *Каргина И.Г.* Влияние религиозной идентичности иммигрантов США на процессы адаптации и интеграции // Социально-гуманитарные знания, 2009. № 7. С. 154-166. – 0,65 п.л.
6. *Каргина И.Г.* Новые формы сакрализации светского и секуляризация сакрального в христианских обществах: анализ природы качественных изменений религии в контексте модернизации // Социологические исследования, 2010. № 6. С. 52-62. – 0,8 п.л.
7. *Каргина И.Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // Вестник МГИМО-Университета, 2012. № 2 (23). С. 186-194. – 0,7 п.л.
8. *Каргина И.Г.* Метаморфозы христианства на фоне постмодернистского пейзажа // Политические исследования, 2012. № 5. С. 106-122. – 0,8 п.л.
9. *Каргина И.Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования, 2013. № 6. С. 108-115. – 0,6 п.л.
10. *Каргина И.Г.* Феномен "Следующего христианского мира": типичные черты и тенденции // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология, 2013. № 1. С. 105-113. – 0, 6 п.л.
11. *Каргина И.Г.* Концепция «религиозных ниш» как инструмент анализа разнообразия современной религиозности // Право и управление XXI век, 2013. № 4 (29). С. 78-86. – 0,75 п.л.
12. *Каргина И.Г.* Картография современного религиозного разнообразия // Международные процессы, 2013. № 3 (11). С. 34-44. – 0, 7 п.л.
13. *Каргина И.Г.* Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX - начале XXI века // Теория и практика общественного развития, 2014. № 1. С. 109-115. – 0,6 п.л.
14. *Каргина И.Г.* Религия как фактор адаптации иммигрантов: особенности американского случая // Политические исследования, 2014. № 2. С. 164- 175. – 0,6 п.л.
15. *Каргина И.Г.* Социально-религиозная проблематика в «Социологическом толковом русско-английском словаре» С.А. Кравченко // Вестник МГИМО-Университета, 2014. № 1 (34). С. 351-354. – 0, 3 п.л.
16. *Каргина И.Г.* Влияние кризиса на протестантские конфессии в современной России // Вестник МГИМО-Университета, 2014. № 1 (34). С. 177-184. – 0,6 п.л.

Другие публикации

17. *Каргина И.Г.* Особенности социальной деятельности христианских организаций: история и современность // Социальная антропология на пороге XXI века. (Тезисы и материалы научной конференции. Москва, 20-21 ноября 1997 года). – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. – 0,3 п.л.
18. *Barnes, D., Kargina, I., Elliott, M.* Protestants in the Former Soviet Union: What Survey Findings Reveal // East-West Church and Ministry Report. Asbury University Press, 2002. Volume 10, # 1. P. 1-3. – 0, 4. п.л.
19. *Каргина И.Г.* Социальный портрет протестантов современной России (по результатам социологических исследований) / Доклады II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 3 т. Том 3. М.: Альфа-М, 2004. С. 289-292. – 0,4 п.л.
20. *Kargina, I.G.* Social Image of Protestants in Contemporary Russia / Frontiers of Sociology: a View from Russia. Collection of Short Abstracts. S. Kravchenko, V. Mansurov (eds.). Moscow - Stockholm, July 5-9, 2005. P. 7-12. – 0,5 п.л.
21. *Каргина И.Г.* Российские протестанты в условиях религиозного плюрализма: анализ современных тенденций (по результатам социологических исследований) / Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. Том 3: Время и пространство мировых религий и локальных культур. Локальные культуры и межкультурный диалог / под ред. В.С. Глаголева, А.В. Шестопала. М.: МГИМО- Университет, 2007. С. 123- 132. – 0,7 п.л.
22. *Kargina, I.G.* The Russian Religious Pluralism / Conflict, Citizenship and Civil Society. V.A. Mansurov (ed.). М.: IPS "Maska", 2007. P. 199-200. – 0,3 п.л.
23. *Kargina, I.* The Russian Protestants in Conditions of Religious Pluralism: the Analysis of Modern Trends (by Results of Sociological Research) / The 8th Conference of the European Sociological Association. Abstract Book. Glasgow, 2007.– 0,1 п.л.
24. *Kargina, I.* Is Orthodoxy a dominant Component of the Russian Identity? / First ISA Forum of Sociology. Sociological Research and Public Debate. Abstract Book. Barcelona, 5-8 September 2008. – 0,1 п.л.
25. *Каргина И.Г.* Нелинейная секуляризация и новые формы религиозности в России и Европе / Тезисы докладов III Всероссийского социологического конгресса "Социология и общество: пути взаимодействия". М.: Институт социологии РАН, РОС, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 0,2 п.л.

26. *Kargina, I.G.* Is There a Limited Level of Religiosity in Modern Russia? / XVII World Congress of Sociology. Abstract Book. Goteborg, Sweden, 11-17 July, 2010. – 0,1 п.л.
27. *Kargina, I.* The Myths about the Role of Religion in Russian Society: to the Issue on How to Measure Religiosity / The 10th Conference of the European Sociological Association. Social Relations in Turbulent Times. Programme Book. Geneva, 7-10 September, 2011. P. 722. – 0,1 п.л.
28. *Каргина И.Г.* Новое христианство: качественные преобразования постмодернистского пейзажа / Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012. – 1 CD-ROM. – 0,8 п.л.
29. *Каргина И.Г.* Модель христианства третьего мира как культурная альтернатива западной цивилизации / Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса (Уфа) / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. М.: РОС, 2012. - 1 CD ROM. – 0,75 п.л.
30. *Каргина И.Г.* Российские протестанты в условиях религиозного плюрализма / Протестантизм как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология / сост., вступ. статья, коммент. М. Ю. Смирнова. СПб.: РХГА, 2012. С. 527-538. – 0,6 п.л.
31. *Каргина И.Г.* Современные формы религиозностей как предмет социологического анализа: экспликация наиболее значимых трендов / Социология религии в обществе позднего модерна: материалы Второй Российской научной конференции с международным участием. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 32-43. – 0,7 п.л.
32. *Kargina, I.* The Influence of the Crisis Phenomena on the Protestant Congregations in Modern Russia / The 11th Conference of the European Sociological Association. Crisis, Critique and Change. Abstract Book. Torino, Italy, August 2013. P. 1417. – 0,1 п.л.

Научное редактирование:

Научное и организационное руководство издания «Теологического энциклопедического словаря под редакцией Уолтера Элвелла». М.: «Альварес Пабблишинг», 2003, 1488 с. – 93 п.л.

Рецензия на монографию:

Глаголев В.С. Возможности и лимиты современных парадигм социологии религии (Каргина И.Г. социологические рефлексии современного религиозного плюрализма: монография. М: МГИМО-университет, 2014. 278 с. – (серия «научная школа МГИМО») // Религиоведение, 2015. № 2. С. 166-169.